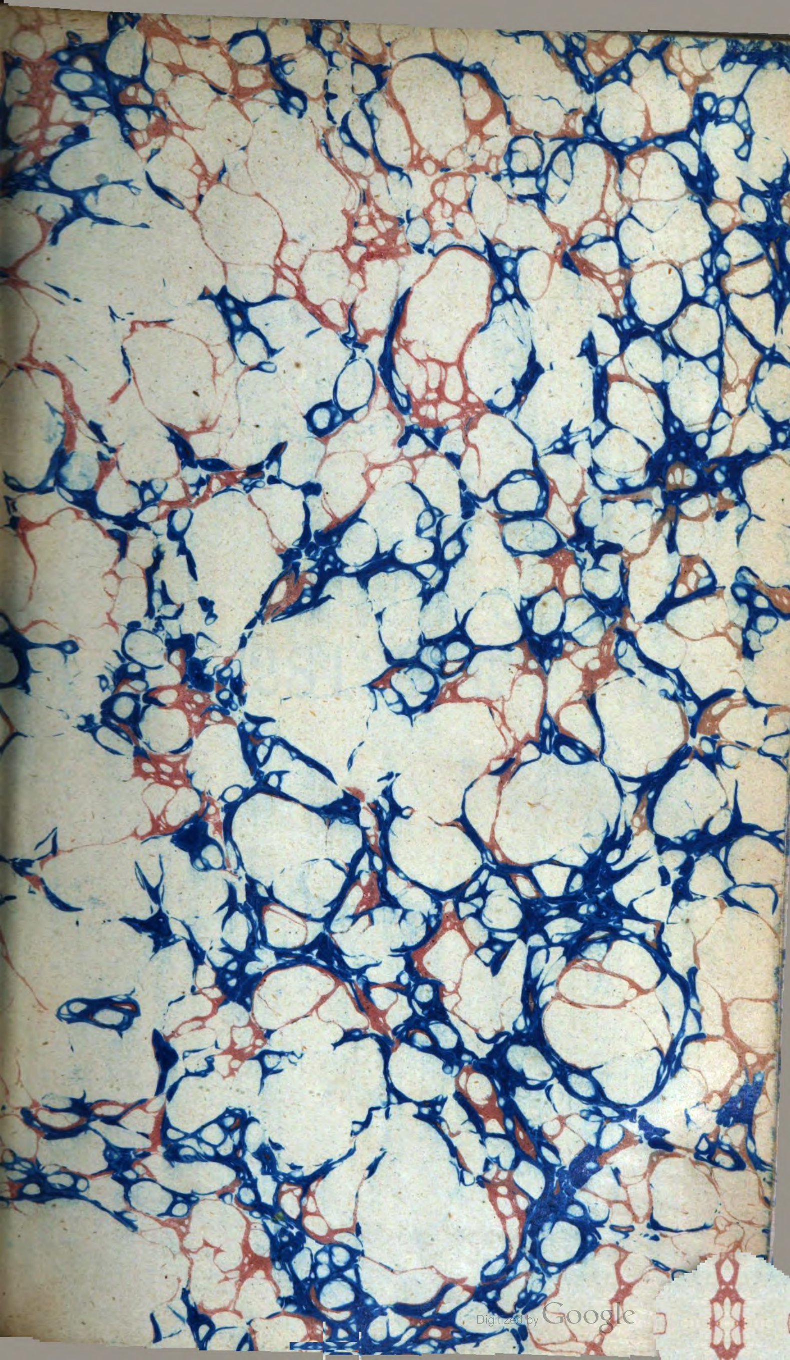

ДУМКИ И ПѢСНИ.

ДУМКИ И ПѢСНИ

ТА

ШЧЕ ДЕ-ШЧО

АМВРОСІЯ МОГИЛЫ.

ХАРЬКОВЪ.

ВЪ

УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1839.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

съ тѣмъ, чтобы по отпечатанiи представлено было въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Москва, Декабря 9 дня, 1838 года.

Ценсоръ и Кавалеръ И. Снегиревъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ:

ЗАМѢТКИ ОТНОСИТЕЛЬНО ЮЖНОРУССКАГО ЯЗЫКА.

Стран:

II. ДУМКИ И ПѢСНИ.

Стран:

III. ЛУНА ИЗЪ СЛОВЕНІИ.

IV. ЛУНА ШЧЕ ИЗЪ НѢМЕЦІИ.

V. ПРИЛОЖЕНІЯ ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

ЗАМѢТКИ

ОТНОСИТЕЛЬНО

ЮЖНОРУССКАГО ЯЗЫКА.

ЗАМѢТКИ

ОТНОСИТЕЛЬНО ЮЖНОРУССКАГО ЯЗЫКА.

Южнорусскій языкъ, которымъ говорили наши первые лѣтописцы, какъ-бы въ ковчегѣ отъ потопа временъ уберегшіе завѣтъ прародителей Русскаго Царства къ потомству, Южнорусскій языкъ, на которомъ отцы наши воспѣли въ думахъ своихъ жизнь и славу Южной Руси, этой священной колыбели могучаго Царства, — языкъ, на которомъ, вѣроятно, звучали рѣчи Князей Кіевскихъ, прародителей нашихъ Царей православныхъ, котораго слова и выраженія и донынѣ звучатъ въ Святомъ Писаніи... Южнорусскій, говорю, языкъ со дня на день забывается иумолкнетъ — и — придетъ время — забудется и смолкнетъ. . . .

И слова его только, можетъ быть, въ заунывныхъ пѣсняхъ долетятъ къ потомству... и слова его найдетъ потомство въ темныхъ для себя мѣстахъ лѣтописи, подивится этимъ роднымъ незнакомцамъ, назоветъ ихъ недосмотромъ переписчика — и исправитъ...

Но можетъ быть и то, что въ эпоху пренебреженія Южнорусскаго языка, любовь къ нему проснется. Кто же соберетъ, какъ добрый сынъ прахъ отцевъ своихъ, изчезающіе останки Южнорусскаго Слова? Они разсѣяны отъ Вислы до Кубани.

Уже свѣтлое вниманіе Правительства и просвѣщенныхъ мужей звѣздою благовѣстія засіяло надъ міромъ Словенія — и — ни одна черта народности не изгладится, ни одно зданіе языка не разрушится, ни одна православная мысль не умретъ безплодно въ этомъ мірѣ. Въ журналѣ, столь дѣятельномъ въ подвигѣ

утвержденія основательнаго просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ, уже положены начатки разработки Южнорусскаго языка, и, вѣроятно, эти начатки — начало, а не конецъ нашихъ отечественныхъ изслѣдованій по этому предмету (См. Журн. Министерства Народнаго Просвѣщенія. 1838).

ЗАМѢТКА I.

Нѣжный запахъ цвѣтовъ, игривую живость красокъ, сладостный голосъ соловья, кто ихъ опишетъ? Кто это опишетъ, изобразитъ, выразитъ, тому развѣ можно испытать свое дарованіе на описаніи мелодіи одного изъ человѣческихъ языковъ, потому что въ ней столько же непередаваемагò, неуловимаго, невыразимаго, какъ и въ благовоніи цвѣтка для не обонявшихъ его, какъ и въ живой игрѣ красокъ для не видѣвшихъ ея, какъ и въ соловьиномъ пѣніи для не слыхавшихъ его. . . .

Не имѣю намѣренія знакомить съ доброгласностію Южнорусскаго языка людей его не слыхавшихъ и съ его мелодіей незнакомыхъ; — высказываю только замѣчаніе, которое, вѣроятно, удалось сдѣлать всякому, кто приглядѣлся къ произношенію Сѣверо и Южно-Руссовъ. У Сѣверорусса, при выговорѣ словъ, замѣтно напряженіе губныхъ мышцъ и сжатіе рта, отъ-чего звуки, такъ сказать, процѣживаются и запечатлѣваются особенною силою и рѣзкостію, имѣющею, впрочемъ, при чистомъ произношеніи, свою пріятность; у Южнорусса, напротивъ, звуки вольно и небрежно несутся и льются съ волною воздуха изъ отверзтаго рта, и отъ того-то особенная мягкость и нѣжность, и напѣвъ, свойственный его произношенію. Вотъ почему Великорусcъ любитъ гласную *ѣ*, произноситъ согласную *в* какъ несродное Словеноцерковному языку *ф*, гласной *ы* придаетъ звукъ

дебелый и т. п. Южноруссъ, напротивъ, не терпитъ ни гласной ѣ, какъ произносятъ ее въ Великоруссіи, ни согласной ф; гласныя ы и и прозноситъ мягко и открыто, согласную в почти какъ у и т. п. Не замѣтно ли при всемъ этомъ климатическаго вліянія студёнаго Сѣвера и теплаго Юга?

Отъ чего же ложное въ Великоруссіи понятіе о грубости Украинскаго или Галиційскаго выговора? Или отъ того, что объ этомъ выговорѣ судили по буквамъ, не зная, что Южноруссъ, Украинецъ или Галичанинъ, никогда не произноситъ этихъ буквъ такъ, какъ произносятся онѣ въ Великоруссіи; или отъ того еще, что слова выговариваемыя не такъ, какъ мы привыкли слышать ихъ съ дѣтства, кажутся намъ чѣмъ-то неправильнымъ, уродливымъ и смѣшнымъ.

Хотя сравненія не доказательны, скажемъ, однакожъ, для поясненія нашего по-

нятія о доброгласности Южнорусскаго языка, что, если Польскій языкъ, по своему щебетанью и бренчанью, по этому бржмѣнью, подходитъ въ устахъ прекрасной Польки къ арфѣ, гитарѣ, гуслямъ, и Сѣверорусскій рѣзкостію своихъ тоновъ походитъ то на скрипку, то на кларнетъ; то языкъ Южноруссa своей мягкостію и нѣгою похожъ то на віолончель, то на флейту, и общею мелодіей приближается къ Словеноцерковному, который звучитъ величественнымъ органомъ.

ЗАМѢТКА II.

Но что такое Южнорусскій языкъ — кто говоритъ на немъ?

Названіе языка Южнорусскаго, Югозападнаго Русскаго (т. е. Малорусскаго и Червонорусскаго, или Украинскаго и Галиційскаго), во многомъ отличнаго отъ Русскаго, Сѣверовосточнаго Русскаго (т. е. Великорусскаго), по

справедливости принадлежитъ тому языку, которымъ говорятъ: въ Южной Россіи Губерніи — Кіевская, Черниговская, Полтавская, Екатеринославская, часть Воронежской и Херсонской, Земля Войска Черноморскаго, Губерніи — Подольская и Волынская; часть Литовскихъ Губерній — Виленской и Гродненской, и почти вся Галиція; словомъ: названіе Южнорусскаго языка должно быть присвоено тому языку, которымъ говоритъ болѣе 10,000,000 Словенъ, живущихъ на Югѣ Россіи и къ Югу отъ Россіи, и на которомъ пѣсни поются даже въ самой Польшѣ. См. Schaffarik's Geschichte der Slawischen Sprachen и Grammatik der Ruthenischen oder Klein-Russischen Sprache in Galizien von I. Lewizki (Vorrede).

Оттѣнки нарѣчія Червонорусскаго не важны, и почти всѣ состоятъ: въ употребленіи мѣстоименій — *мя*, *тя*, *ся*, *ми*, *ти*, *си*, вм. *мене*, *тебе*, *себе*, *менѣ*, *тобѣ*,

собѣ; въ отдѣляемости приглагольнаго мѣстоименія *ся* — *ся взять,* вм. *взяться, ся забарить,* вм. *забариться* и т. п.; въ опущеніи *ть,* въ 3 лицѣ единственнаго числа настоящаго времени, въ глаголахъ на *ся* — *вкрываеся* вм. *вкрываеться, двигаеся* вм. *двигаеться* и т. п. Всѣ эти свойства придаютъ языку Червоноруссовъ много нѣжности, и могли бы быть съ пользою введены въ языкъ Малоруссовъ. — Сверхъ того, Галичане, или Червоноруссы, говорятъ *няй* и *нехъ* вм. *нехай* и *хай:* гласныя *а* и *я* въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Галиціи произносятся почти какъ *э;* въ глаголахъ, кромѣ обыкновенныхъ Южнорусскихъ прошедшихъ простыхъ временъ (*знавъ, знала, знало, знали*) употребляется еще (но не въ пѣсняхъ), по примѣру языковъ Польскаго и Словеноцерковнаго, сложные — *зналъ емь, зналамъ, зналомъ, зналъ есь, зналась, зналось, зналъ, зналд, знало, знали смы, знали сте, знали.*

ЗАМѢТКА III.

О правописаніи Южнорусскаго языка замѣтимъ, что оно еще не установилось: одни придерживаются правописанія Великорусскаго языка или Словеноцерковныхъ книгъ; другіе стараются выражать произношеніе словъ Южнорусскаго языка буквами, слѣдуя выговору ихъ въ Великоруссіи. Мнѣ кажется, что самымъ удобнымъ былъ бы средній путь, при которомъ правописаніе намекало бы на корень словъ, но и не затрудняло бы ни пишущаго, ни читающаго многочисленностію своихъ правилъ и исключеній.

Иначе: или, слишкомъ привязываясь къ корнямъ словъ, можно затемнить ихъ произношеніе, и правописаніе сдѣлать неопредѣлительнымъ и сбивчивымъ для простыхъ людей, которые пожелали бы ему слѣдовать; — или, забывая вовсе о корняхъ словъ, и уничтожая приобрѣтшій

извѣстность историческою давностію образъ ихъ, можно эти слова для самого Южноруссa сдѣлать родными незнакомцами, и привести въ заблужденіе тѣхъ, которые, зная Великорусскій выговоръ буквъ, вздумали бы читать по Южнорусски, и при этомъ судить о мелодіи языка.

Ученые и литтераторы, оказавшіе Южноруссамъ услуги теоретическою или практическою разработкою ихъ языка, какъ осуществители различныхъ правописаній, по мѣрѣ отступленія отъ правописанія Словеноцерковныхъ книгъ, представляются въ такой послѣдовательности:

Левицкій (въ Grammatik der Ruthenischen Sprache), — Максимовичъ (въ *Украинскихъ народныхъ пѣсняхъ*), — Котляревскій (въ *Перелицованной Энеидѣ* и въ *Наталкѣ-Полтавкѣ*, гдѣ издатель Срезневскій отмѣтилъ *ï* (ji) острое отъ *и* (y) простаго, — Срезневскій (въ *Запорож-*

ской старинѣ), — Бодянскій (въ *Наськыхъ казкахъ*), — Артемовскій - Гулакъ, Основъяненко и Гребёнка (въ разныхъ сочиненіяхъ), — Павловскій (въ *Грамматикѣ Малоросоійскаго нарѣчія*). Вацлавъ зъ Олеска выражалъ Южнорусскія слова буквами Польскаго алфавита (см. Piesni ludu Galicyjskiego); — Южноруссы, не наблюдающіе никакого правописанія, ставятъ вездѣ *ѣ*, гдѣ только произносится острое *ѣ* (jі), и, большею частію, *и*, гдѣ произносится простое *и* (у).

ЗАМѢТКА IV.

Вотъ нѣсколько словъ, написанныхъ по системамъ различныхъ правописаній, придуманныхъ для Южнорусскаго языка, а именно: 1. по правописанію — Максимовича, 2. Котляревскаго (какъ оно улучшено въ изданіи его *Наталки-Полтавки*), 3. Издаваемыхъ *Думокъ и Пѣсней*, 4.

Срезневскаго, 5. Артемовскаго и другихъ (Великорусскаго выговора буквъ).

1. Кончили сѣянье. Вôлъ зêлья вже не ѣсть: вôнъ по колѣни въ сѣнѣ. Бери вôвцю въ сѣни, та й старайся объ нêй, якъ объ сынѣ. На товстôмъ вязѣ и на липѣ, що въ лѣсѣ, мовъ срêбныи, снѣги бѣлѣются. —

2. Кончили сѣянье, *Вîлъ зîлья* вже не ѣсть: *вîнъ* по колѣни въ сѣнѣ. Бери *вîвцю* въ сѣни, та й старайся объ *нîй*, якъ объ сынѣ. На *товстîмъ* вязѣ и на липѣ, що въ лѣсѣ, мовъ *срîбнiи*, снѣги *бѣлѣються*. —

3. Кончили *сѣяньня*. *Вîлъ зîльля* вже не ѣсть: *вîнъ* по колѣни въ сѣнѣ. Бери *вîвцю* въ сѣни, та й старайся объ *нѣй*, якъ объ сынѣ. На *товстѣмъ вязѣ* и на липѣ, *що* въ лѣсѣ, мовъ *срîбнiи*, снѣги *бѣлѣються*. —

4. Кончили *сiянье*. Вîлъ *зîлля* вже не *їсть*: *вîнъ* по *колîни* въ *сîнї*. Бери

вйвцю въ сйни та й старайся объ *нїй* якъ объ *сынй*. На *товстймъ вязй* и на *липй*, що въ *лйсй*, мовъ *срйбныи*, *снйги бйлї-ютъся*. —

5. Кончылы сіяньня. Вилъ зильля вже не иеть: винъ по колины въ сини. Беры вивцю въ сины та й старайся объ нїй якъ объ сыни. На товстимъ въязи и на лыпи, що въ лиси, мовъ срибніи, сниги билїюцьця. —

ЗАМѢТКА V.

Къ слову о правописаніяхъ! Не удивительно ли, что правописаніе въ древнѣйшихъ спискахъ Словеноцерковныхъ Лѣтописей и другихъ книгъ во многихъ случаяхъ такъ, смѣю сказать, приспособляется къ свойствамъ Южнорусскаго языка, что иногда приходитъ на мысль: ужъ не для этого ли именно языка оно и придумано?

а. Между тѣмъ какъ у Великоруссовъ буквы *е* и *ѣ* произносятся всегда одина-

ково, и слѣдственно одна изъ нихъ зашла въ Великорусскій алфавитъ безъ призыва существенной надобностію, случайно, — въ языкѣ Южнорусса, напротивъ, буквы *е* и *ѣ* произносятся всегда различно, а именно: первая произноситея за простое *э*, исключая свойственнаго языку Словенина изощренія въ началѣ слова и послѣ гласной, гдѣ она переходитъ въ острое *е* (je); вторая всегда произносится за острое *й* (ji), гдѣ только писалась и пишется въ Словеноцерковныхъ книгахъ и въ Лѣтописяхъ. Такъ напр: пишется — *сѣйте, дѣлайте, гнѣзды* и т. п; произносится по Южнорусски — sjijte, djiljite, hnjizdy, по Великорусски — sjejtje, djeljitje, hnjozdy.

b. Въ старинныхъ рукописяхъ и въ старопечатныхъ книгахъ находимъ: *ясная, чистаа* и т. п. Хотя требованіе изощрять гласную, слѣдующую за гласною, не позволитъ ни одному изъ Словенъ произнести второе *а* безъ изощренія; но Южно-

руссу легче всего обойтись безъ указанія изощренія второй гласной, потому что онъ всегда изощритъ даже начальную гласную всякаго слова, передъ которымъ другое слово оканчивается на гласную; такъ напр. *Дѣвчина уродлива у рѣчки стояла лице умывала,* произносится (особенно въ пѣсняхъ): *дѣвчина юродлива ю рѣчки стояла, лице юмывала.*

с. Южноруссъ, для избѣжанія непріятнаго стеченія гласныхъ, ставитъ въ началѣ словъ, начинающихся гласными *у* и *о*, согласную *в*, и говоритъ: *вусъ* вм. *усъ*, *воко* вм. *око* и т. п. Въ Словеноцерковныхъ книгахъ и въ Лѣтописяхъ пишется въ такихъ случаяхъ *оу* и *ѡ*; въ Несторѣ, по списку монаха Лаврентія, часто *о* употребляется вмѣсто *в*, и пишется *жиоуть*, *Вольга* и *ѡльга* и т. п.: не произносилось ли въ древности *оу* и *ѡ* за *ву* и *во*?

ЗАМѢТКА VI.

Какихъ изумительно-остроумныхъ правилъ не осуществилъ Южноруссъ въ языкѣ своемъ, чтобъ довести его до благозвучнѣйшаго теченія!

Такъ, пріятное для Словенскаго уха изощреніе гласной послѣ гласной распространено въ немъ, какъ сейчасъ показано, на самыя начальныя гласныя буквы всякаго слова. Такъ, для соблюденія потребной для плавнаго произношенія словъ соразмѣрности между количествомъ гласныхъ и согласныхъ, въ немъ: то, въ началѣ словъ на *у* и *о*, ставится согласная *в* (*ухо* и *вухо*, *оскома* и *воскомù*), то, въ началѣ или въ концѣ, уничтожается гласная *о* (*днив одним* вм. *одинъ одним*, *горòдъ* вм. *огорòдъ*, *гйрки* вм. *огйрки*, *рòбимъ* вм. *робимо*, *зробѣмъ* вм. *зробѣмо*), то гласная *у* превращается въ согласную *в* и обратно (*утйкъ* и *втйкъ*, *у лузѣ* и *въ*

лузѣ, *у восени* и *въ осени*, *Украина* и *Вкраина*, *учора* и *вчора*), то гласная *у* вовсе уничтожается (*въ тîмъ* и *въ тому*, *въ густîмъ* и *въ густому*), то гласная *и* переходитъ въ *ь* или *й* (*иду* и *йду*, *и* и *й*, *пити* и *пить*).

Окончанія прилагательнымъ также подчинены законамъ благозвучности: по требованію слуха, говорится — *зелена* или *зеленая*, *зелену* или *зеленую*, *зелене* или *зеленее*, *зеленî* или *зеленіи*.

Въ глаголахъ особенно замѣчательно, по изобилію окончаній, 3-е лице единств. числа настоящаго времени: *свѣти* и *свѣтить*, — *каже* и *кажеть*, — *спѣва*, *спѣвае* и *спѣваеть*.

ЗАМѢТКА VII.

Но въ одной ли музыкальности, въ одномъ ли доброгласномъ и благозвучномъ теченіи слова и все достоинство Южнорусскаго языка? Если языкъ не въ си-

лахъ выражать человѣческихъ мыслей, чувствъ и страстей, то не важны для насъ ни его сладостная мелодія, ни его благозвучное теченіе.

И такъ, замѣтимъ: при выраженіи какой бы то ни было страсти, какого бы то ни было чувства, Южноруссъ не встрѣтитъ недостатка въ родномъ языкѣ своемъ! Гнѣвъ ли закипитъ въ немъ, тоска ли налетитъ на него, размягчится ли сердце его нѣжностію, или онъ придетъ въ шутливо-веселое расположеніе духа — не встрѣтитъ онъ недостатка въ родномъ языкѣ своемъ . . . все выразится на этомъ языкѣ, взлелѣянномъ не на безжизненной почвѣ Грамматики, но въ полѣ брани и въ разгарѣ мщенія, на вольныхъ пирахъ козачества и въ разгульномъ быту гайдамаки, — языкѣ, взлелѣянномъ въ тоскливыхъ рѣчахъ къ родинѣ бездомнаго скитальца на чужинѣ, въ пѣсняхъ любви, разогрѣтыхъ пламенными

поцѣлунками любовниковъ, и въ пѣсняхъ разлуки, разогрѣтыхъ горючими слезами очей дѣвичьихъ, въ нѣжныхъ и заботливыхъ рѣчахъ матерей къ сынамъ, съ которыми ежедневно готовились онѣ разстаться, на долго, на долго, если не на вѣки. О! угнетенія и мучительства Ляховъ и Татаръ обогатили Южнорусскій языкъ множествомъ проклятій такъ сильныхъ, что морозъ проходитъ по костямъ, когда слушаешь ихъ. . . . О! и доселѣ Южнорусска мнится, при разлукѣ съ милымъ сыномъ, что онъ понесется отъ нея на смертное поле, съ котораго не многіе возвращаются,—и горесть ея при этой разлукѣ тяжко-томительна, и душа порывается улетѣть изъ тѣла во слѣдъ за милымъ сыномъ, и слезы не льются изъ очей, но, жгучія, пекутъ въ сердцѣ... И доселѣ разлука на Южной Руси также тяжка, и любовь также пламенна на Южной Руси.

Изъ свойствъ Южнорусскаго языка

достойно особеннаго вниманія его богатство на уменьшительныя формы: *мати, матйнка, матенька, матйночка, матунечка, матуся, матусенька, матусесенька, — рйдна, рйдненька, рйднесенька; рйднесесенька, — Ганна, Галя, Ганночка, Галечка, Галенька, Ганнуся, Ганнусенька, Ганнусечка, — пьсти, пьстки, пьсточки, пьстоньки* и т. п. Относительно уменьшеній собственныхъ именъ должно замѣтить, что иногда каждый изъ членовъ многочисленнаго семейства старается по-своему уменьшительнымъ образомъ выразить имя маленькаго любимца, какъ-бы полагая этимъ на него печать своей особенной нѣжности.... Но кто бы подумалъ, что самыя неокончательныя наклоненія глаголовъ можно изнѣжить уменьшительными формами? Мать маленькаго Южноросса не скажетъ про свое дитя, что оно хочетъ спать или спати, пить или пити; но скажетъ: *воно хоче спат-*

ки, спаточки, спатуни, спатунечки, спатоньки, спатусй, спатусеньки, — *воно хоче питки, питочки, питуни, питунечки, питоньки, питусй, питусеньки* и т. п. Этимъ свойствомъ Южнорусскіе неокончательныя наклоненія приближаются къ существительнымъ именамъ, въ которыя переходятъ они также въ языкахъ: Германо-Индійскихъ (см. Bopp. Ueber die Conjugationssystem etc).

Трудно найти языкъ, которому уступилъ бы Южнорусскій въ живости расказа, и это достигается множествомъ звукоподражательныхъ словъ, особенно глагольныхъ междуметій (*гепъ, гупъ, лясь, ляпъ, дзизъ, дзень, трйсь, блись, скйкъ* и т. п.), не говоря уже объ оживляющихъ расказъ пословицахъ и ловкихъ оборотахъ рѣчи, которыми этотъ языкъ такъ изобиленъ. Еще замѣтимъ, что въ языкѣ Южнорусса есть будущія простыя, которыхъ нѣтъ въ языкѣ Великорусса, и

которые, вѣроятно, произошли отъ слiянiя неокончательныхъ наклоненiй съ лицами глагола *маю: жатиму, жатимешь, жатиме, жатимемо, жатимете, жатимуть.*

Еще слѣдовало бы поговорить объ изобилiи въ разбираемомъ нами языкѣ сословъ для выраженiя различныхъ оттѣнковъ чувства и понятiя; но для полнаго развитiя этого предмета потребно цѣлое обширное сочиненiе, котораго онъ и достоинъ. Вотъ, какiе съ перваго разу можно припомнить, сословы глагола *идти* и *ходить: брести, бродить, чвалать, чимчикувать, швандять, дыбать, човпти, копать* и проч., сословы глагола *говорить: казать, балакать, базикать, базувать, слебезувать, варнякать, патякать, калякать, балагурить, раздабарювать, дрiботiть, цокотiть, торохтѣть, мимрить* и проч.

Прочтите пѣсни Южноруссa, если хо-

тите знать, что языкъ его способенъ къ выраженію нѣжнѣйшихъ душевныхъ движеній въ самыхъ нѣжныхъ оттѣнкахъ ихъ; прочтите думы Южноруусса, если хотите знать, что языкъ его можетъ живописать и величественныя явленія естества, и народныя волненія и свары, — можетъ намекать на неисповѣдимость Божіихъ путей въ событіяхъ, можетъ выражать и раздирающій вамъ сердце хохотъ отчаянія.

ЗАМѢТКА VIII.

Южнорусскій языкъ, сильный и нѣжный, доброгласный и благозвучный, давно ли произошелъ? Вѣрно по молодости своей онъ не заслужилъ еще отъ людей уваженія.....

Если правописаніе Словеноцерковныхъ книгъ подходитъ къ этому языку; то значитъ, что языкъ, близко похожій на него, существовалъ во время Святыхъ

Отцевъ Кирилла и Меѳодія, изобрѣтателей или установителей для Словенскихъ языковъ азбуки, и не былъ ими оставленъ безъ вниманія . . . справедливость этого предположенія обнаружена выше.

Если въ языкѣ Южнорусса сходятся свойства разныхъ и отдаленныхъ языковъ разныхъ и отдаленныхъ Словенскихъ племенъ; то значитъ, что этотъ языкъ не есть юный отпрыскъ одного изъ Словенскихъ языковъ, но что онъ возросъ отъ общаго съ ними древняго корня, и, черпая изъ этаго корня одинъ съ ними жизненный сокъ, возросъ самобытно, взлелѣянный народною жизнію, народными обстоятельствами. . . . На это предположеніе вотъ нѣсколько доказательствъ:

а). Прибавка въ началѣ словъ на гласную *о* согласной *в* (*воса* вм. *оса*) встрѣчается въ языкахъ Полабовъ и Вендовъ, коихъ народность почти совсѣмъ стерли

наконецъ Нѣмцы изъ круга человѣчества, и въ простонародномъ Чешскомъ (*вотецъ* вм. *отецъ*).

b.) Прибавка въ началѣ словъ на гласную *у* согласной *в* (*вухо* вм. *ухо*) сохранилась въ языкахъ Виндовъ и Кроатовъ.

c.) Выговоръ гласной *ѣ* за острое *ї* (jï) встрѣчается въ одномъ изъ Сербскихъ племенъ; выговоръ гласной *и* не за острое *йи* (jï), а за простое *ы* (у), можно найти во многихъ словахъ языка Сербскаго.

Если, какъ принялъ Шаффарикъ, Словенскіе языки разнились уже и во время Кирилла и Меѳодія, переводчиковъ Священнаго Писанія на языкъ, называемый Словеноцерковнымъ; то можно принять, что Южнорусскій языкъ не былъ вовсе чуждымъ для этихъ переводчиковъ: иначе, какъ объяснить множество словъ и грамматическихъ формъ Южнорусскаго языка, находимыхъ въ языкѣ Словеноцерковномъ? Обратимъ вниманіе на граммати-

ческія формы, общія тому и другому языку: a). Падежи существительныхъ именъ — сынови, сыне, Петре, воле, водо; b). Двойственное число существительныхъ именъ очима, плечима; c). Винительный падежъ множественнаго числа сходный съ именительнымъ и въ предметахъ одушевленныхъ — волы, коровы; d). измѣненіе согласныхъ — *г*, *к*, *х* — о языцѣ, о друзѣ, о грѣсѣ; e). Падежи прилагательныхъ именъ — святѣй, о святѣмъ, о святѣй; f). Мѣстоимѣнія — мене, тебе, себе, мя, тя, ся, ми, ти, си; g). Неокончательныя наклоненія — пити, ѣсти и проч.; h). Употребленіе вспомогательнаго глагола *быть* во второмъ лицѣ единств. числа настоящаго времени — зробивъ еси, дурень еси и проч.

Замѣчательно окончаніе прошедшаго времени въ разныхъ Словенскихъ языкахъ. Возьмемъ, напр., глаголъ — *писать*; то будетъ: въ Словеноцерковномъ — *писа*, въ

Сербскомъ — *писао*, въ Словацкомъ — *писау*, въ Южнорусскомъ — почти *писавъ*, въ Великорусскомъ, Чешскомъ, Польскомъ — *писалъ*. Какая постепенность удаленія отъ Словеноцерковнаго окончанія, удаленія отъ мягкаго звука Юговосточныхъ языковъ! Кромѣ принятаго дѣленія Словенскихъ языковъ на Восточные и Западные, не придется ли еще раздѣлить ихъ на Сѣверные и Южные? Сѣверъ и Югъ положили, кажется, замѣтную печать на жизнь, характеры и языки народовъ.

ЗАМѢТКА IX.

Все ли Южнорусскій языкъ былъ въ презрѣніи — притчею во языцѣхъ? Все ли говорили на немъ только тѣ, которые иначе говорились не научились, — писали только тѣ, которые иначе писать не умѣли? Нѣтъ!

Нѣтъ! Въ завѣтахъ нашихъ отцевъ, въ ковчегѣ нашей славы, въ историче-

скихъ свидѣтельствахъ нашей законнорожденности, словомъ, въ нашихъ Лѣтописяхъ сильно и часто пробивается настоящій Южнорусскій языкъ какъ бы изъ подъ коры языка мертваго, священнаго, Словеноцерковнаго.... Да и какъ не быть этому? Разсадникъ нашей православной Вѣры и нашего народнаго образованія— Южнорусскій Кіевъ — былъ и мѣстомъ жительства нашихъ первыхъ лѣтописцевъ, и, какъ языкъ жизни, языкъ Южнорусскій невольно врывался въ ихъ дѣеписанія, хотя они и предпочитали ему языкъ, котораго величественные звуки возносили ихъ къ Богу во время Богослуженія.

Замѣтимъ, что древнѣйшій списокъ Нестора, списокъ Лаврентьевскій, наиболѣе могъ бы намъ доставить Южнорусскихъ словъ и выраженій; но возьмемъ даже Псковскую Лѣтопись (см. Изданіе Погодина. Москва. 1837.), которая есть сокращеніе

Новгородской, какъ и эта сокращеніе Кіевской, и отмѣтимъ (по указанію самого Г. Погодина) кое-что непонятное въ ней безъ знанія Южнорусскаго языка. Изъ словъ:

Спровадить, изволить волю (волити волю), гадать, истомный (изтомить), искрадомъ (крадькома), нарова (наровы), кутній, Украина (въ смыслѣ пограничной страны, какъ напр., Dänemark), наймитъ, въ опасѣ (съ предосторожностію), пакость, исполохъ и проч. Еще замѣтимъ, что и въ этой Лѣтописи употребляется з вм. с, в вм. у, у вм. в; что въ ней послѣ г, к, т, м, р ставится ы, какъ и донынѣ въ Южной Руси выговаривается (многыхъ, гыбель, самыхъ, тыкъ, товарыщи, Кыевъ), и послѣ *ц* ставится *и*, какъ то: гонцы, дѣвици, нѣмци и проч.

Въ Червоной Руси, равнымъ образомъ какъ и въ Малой Руси, тотъ же языкъ Южнорусскій употреблялся лѣтописцами, и одна изъ Лѣтописей недавно най-

денная въ Галиціи (см. Журн. Мин. Народн. Просвѣщенія. 1838.), и обнемлющая событія 1498—1640, почти исключительно писана на этомъ языкѣ. Вотъ нѣсколько строчекъ для примѣра: (1619) Канцлира Жолковскаго въ Волосѣхъ забыто и Корецкого взято, бо безъ Козакивъ войну точивъ; мовывъ такъ: не хочу я зъ Грыцями воіовати; нехай идуть до роли, альбо свини пасти. — (1620) Королевичъ Владыславъ бувъ во Львови, колы до Волохъ ихалъ, бо чекавъ на Сагайдачного Гетьмана Козацкого: бо колы бувъ у Воршави у Короля, и Король ёму мовывъ: ото я на твою опеку посылаю сына моіого. Того жъ року гроши вгору пишлы, що разъ выше. — (1630) Гетманъ Конецпольскій ходывъ за Днипръ Козакивъ зносыты, людей много зтратывъ, и самъ ледвы ся вынисъ, але предцця гарматы имъ зоставивъ, и позмакъ, що Козаки. —

Но не только въ Южной Руси, въ Червоно-Руссіи и Мало-Руссіи, господствовалъ Южнорусскій, языкъ и былъ принадлежностію какъ самаго простаго, такъ и самаго высшаго по образованію класса людей; Южнорусскій языкъ господствовалъ еще и въ Русскихъ земляхъ, принадлежавшихъ къ Польскому Королевству имъ говорили и при Дворѣ Великихъ Князей Литовскихъ, и въ знатнѣйшихъ домахъ; на немъ производились дипломатическія сношенія, на немъ писались важнѣйшіе государственные акты (Доказательства на это можно отчасти найти въ Литовской Метрикѣ, которая хранится въ Варшавскомъ коронномъ архивѣ, и изъ которой нѣкоторые акты помѣщены въ Сборникѣ Муханова). Да и не удивительно, если сообразимъ, что народонаселеніе Литвы все Русское, кромѣ $\frac{1}{10}$ доли собственно Литовскаго народонаселенія.

Есть основанія думать, что и самый Польскій языкъ лучшія свойства и богатство свое занялъ отъ языка Южнорусскаго; потому что, въ то время когда Польскіе писатели мыслили и писали по Латини, Южнорусскій языкъ былъ уже весьма образованнымъ. . . .

Оканчиваю мои замѣтки. Цѣлью моей было невысказывать всего достоинства, всей важности, всѣхъ свойствъ Южнорусскаго языка: это можно сдѣлать только въ полной его грамматикѣ и въ его словарѣ или идіотиконѣ, для которыхъ желалъ бы и я приложить своихъ трудовъ лепту, если бы Богъ помогъ и люди мнѣ въ этомъ не возбранили; я имѣлъ цѣлію — остановить вниманіе ученаго и неученаго Южноруса на нѣкоторыхъ особенностяхъ его Слова, по которымъ это Слово достойно большаго и лучшаго вниманія и уваженія, нежели ка-

кихъ оно удостоилося. Кто скажетъ, какимъ свѣтомъ находка иного изъ языковъ, затерянныхъ въ могилѣ забвенія, какимъ свѣтомъ эта находка озарила бы невѣрный путь блуждающаго филолога-философа? Кто взвѣситъ, сколько свѣтлыхъ и прекрасныхъ идей, въ будущихъ изслѣдованіяхъ человѣческаго слова, должны померкнуть и изчезнуть по причинѣ забвенія иного изъ языковъ, тлѣющихъ нынѣ въ могилѣ презрительнаго невниманія? Если можемъ сохранить память хотя одного изъ народцевъ земли — и — не сохранимъ, и аще погибнетъ единый отъ малыхъ сихъ, грѣхъ намъ отъ Бога великій.

Мене же, господа отци и братія, оже ся гдѣ описахъ, недописахъ, переписахъ, чтите, исправляя Бога дѣля, а не клянните; книги бо ветшаны, разумъ же молодъ — не домыслии.

Издатель А. Метлинскій.

ДУМКИ И ПѢСНИ.

Ой, въ степу могила зъ вѣтромъ говорила:
Повѣй, вѣтре, ты на мене, шчобъ я не чорнѣла;
Шчобъ я не чорнѣла, шчобъ я не марнѣла,
Шчобъ на менѣ трава росла, та шче-й зеленѣла.

БАНДУРА.

ІЕРЕМІИ ГАЛЦѢ.

Кому якъ не тобѣ, рідокоханку,
Отсю выспѣвовавъ бы я спѣванку?

Та чи вы вже, братця, не чували
Про старого козака-спѣваку?
Вспомьянѣмъ-лишъ ёго ёму жъ въ дяку!
Бо вже яки й чули, позабували . . .

«Про гетьмана, чи про гайдамаку
Дѣдъ заспѣвае, въ бандуру заграе, —
Плаче бандура, мовъ ожпвае:
Жаль вŷзьме дитину, вŷзьме и бурлаку!

Ёго бандура, зхоче вŷнъ, завые,
Ёго бандура й вороном закряче,
Мовъ та дитина, жалŷбно плаче . . .

Слезы полыються, серденько ные . . .»
Де-жъ ты дѣвався, та старый спѣваче?
Ой, заспѣвай намъ про життя козаче!

ДО ВАСЪ.

Будьте-здоровы, дядьки та братця!
А дайте-лишень за бандуру узяться,
Та на бандурѣ розйграться,
Въ старинѣ-бувалщинѣ покохаться!

Ой, нелѣзь, дядьку, въ высокіи хаты,
Бо тамъ изъ тебе будуть глумовати!
Ой, не лѣзь, дядьку, въ паньскиі хоромы:
Тамъ не чувати дѣдівськои мовы!
**

Возьми, дядьку, гострый списъ,
Сядь на коня, та-й у лѣсъ!
Тамъ на волѣ, на просторѣ
Скакатимемо доволû;
Долû въ полѣ спатимемо,
Собѣ долû шукатимемо!

За бѣліи руки панянокъ намъ не водити
Отъ по тому гладенькому нйбы скло помостѣ...
Намъ, братця, намъ, братця, вже намъ не ходити
Та до панйвъ, до панйвъ-тыхъ великихъ у гости;
Намъ, братця, намъ, братця, пйдъ конемъ трощити
Ворогйвъ нашихъ невѣрныхъ проклятіи кости...

Або въ морѣ
На просторѣ

Царевӣ служити,
Славоньки собѣ шукати;
Ворога губити,
Та шчобъ нашихъ було знати!

Гей, братця, гей, братця, то наша дорога,
А не мѣсце тепле въ панського порога!

ЗРАДНИКЪ.

Хто тебе, родино, рідный зневажае,
Хай той на чужинѣ сердця не мае,
Та шчобъ до кого въ горе притулитися,
Та шчобъ було зъ кимъ горемъ подѣлитися!

Хто свою вѣру, хто край свій покине,
Хай той безъ роду на чужинѣ згине,
Згасне ёго око, душа почорнѣе,
Замре ёго голосъ, сердце зотлѣе!

Вйнъ одъ Бога долй не знатиме;
Тйльки одъ Бога кары вйнъ ждатиме!
Де вйнъ стане, де вйнъ гляне —
Й чорный воронъ лйтать стане!

Хтось ворону ёго вкаже,
Заздалегйдь уже скаже:
Отто ваша
Буде паша!

Якъ ёго зліи кары каратимуть,
Батьки й малымъ дѣтямъ казатимуть,
Зъ хрестомъ вони казатимуть этиха:
Оттакъ, дѣти, не дай Боже лиха!
Оттакъ, дѣти,
Не робѣте!

Зрадникъ одъ людей ласки не знатиме;
Самъ вйнъ одъ себе въ пущй тикатиме . . .
Ёго рйдне слово въ пѣснѣ не грѣтиме,
Ёму пѣсня въ сердцѣ углемъ горѣтиме . . .

С Т Е П Ъ.

Ѣдемо зъ батькомъ степомъ серед - ночи,
То якъ мій коникъ заграе, заскаче,
Заразъ чогось мому батькові въ очі
Слёзы навернуться, мовъ вінъ заплаче...
«Чи не спытавъ
Чого плаче
Вінъ, козаче?»

Охъ, чи знаешъ, каже, хлопче,
Якій степъ твій коникъ топче?

«Шчо жъ вйнъ каже,
Коли зна вже?»

Хто тутъ бився, въ степу мчався,
Хто втйкавъ, кого лякався?
«Одже-й чули,
Та забули . . .»

Чувъ, чія отсе могилы,
Чувъ, чого тутъ вовки выли? . .
«Бачъ, вйдъ чого
Вйнъ, небого —»

Колись, мій сынку, мы тіи могилы
Трупомъ та трупомъ начиняли;
Колись, мій сынку, мы въ тіи могилы
Злыхъ ворогйвъ, було, спати клали . . .
«Бачъ, одъ чого
Край могилы
Вовки выли!»

КЛАДОВИЩЕ.

Дивлються зъ неба ясненько срйбни̂ зи̂рки;
Мають-бѣлѣють надъ могилками хустки.
Въ тыхъ могилкахъ по-пидъ чорными хрестами
Труны та труны все зъ козаками-зъ-молодцями.
Якъ-то въ Великдень засвѣтять впершу свѣчки,
Якъ въ усѣ дзвоны вдарять, — встають козаки:
Въ того шаблюка при боцѣ, той зъ батижкомъ;
А про-межъ ними вже де-хто е й безъ чуп-
рины . . . .
Якъ ото выйдуть вони на свѣтъ зъ домовины,
Гомйнъ якъ въ бурю и гри̂мъ луною кругомъ:

Чи батьками оттѣ Нѣмцѝ загнущались,
Шчо чуприны вражѝ дѣти одцурались?
Трохи й красчи були, й ею потѣшались!
Колись ею зъ Украины нечисть мы змѝтали,
Тѝльки шчо изъ головою ïи вѝддавали.

СПИСЪ.

У батька є гострый списъ,
А довгій списъ, довгій, та не сяє!
Бо якъ на стѣнѣ повисъ,
Шчось довго вже . . . въ дѣлѣ не бувае!
А мати якъ вîзьме списъ
(Вона павутину имъ змûтае):
«Лихій ёго намъ принѣсъ,»
Батько каже, й сумно поглядае . . .

А сотникъ разъ зиркъ на списъ —
Якъ крикне, мовъ въ сердце списъ встромився!

Вхопивъ, на коня, та въ лѣсъ,
И всю ни̂ченьку въ пущахъ носився . . .
Ви̂нъ вранцѣ вернувъ намъ спись:
Ману напуствивъ (каже) бѣсъ;
И самъ я не знаю, якъ сказився!
А батько мі̆й и проговорився:
«Давно вже костей ві̆нъ не ламае!»
Э! бачъ (я на думцѣ), чомъ не сяе ...

ЧАРКА.

Е въ насъ, братця, чарка на полицѣ;
Та вона, та чарка, срйбна-старосвѣтська!
Встарину жили батьки въ свѣтлицѣ,
Й частували ею вони цѣле вйсько, —
И по повнѣй козаченьки выпивали,
Й нашихъ батькйвъ Гетьманами наставляли...
Далѣ дужче й дужче вони гомонѣли,
Поки вони на вороныхъ та не сѣли...
Далѣ на орду лйтали,
Орду тую побивали!
Срйбна чарка по столовй впьять ходила,
Громадонька веселенька гомонѣла!..

Вже зъ якого часу нема того війська;
Позосталась тỉльки чарка старосвѣтська!
Вже зъ якого часу немае й свѣтлицѝ;
А шче блещить срѝбна чарка на полицѣ!
Вже зъ якого часу всюды тихо-глухо,
А зосталась проклятущая сивуха!

Одинъ козакъ позостався: сердце ные, занывае,
Мовъ на сердце сырый туманъ тяжко-важко налягае!

Якъ про військо вѝнъ згадае,
Вѝнъ по ровнѣй наливае,
Й за все військо выпивае . . .
И куняе, й выпивае,
Й выпивае, и куняе:
Оттакъ вѣку доживае!

КОЗАКЪ, ГАЙДАМАКЪ, ЧУМАКЪ.

На воронѣмъ коню ѣхавъ козакъ
    Горою, долиною,
    Промежъ калиною;
Вйнъ розмовлявъ зъ милою дѣвчиною.

На своихъ двохъ лѣсомъ йшовъ гайдамакъ;
    Промежъ лѣсчиною
    Йшовъ вйнъ зъ дубиною,
Зъ лѣсомъ гукавъ — зъ своею родиною!

Чвалавъ за возомъ чумакъ-неборакъ
Низомъ, травиною,
Зъ своею скотиною,
Та-й балакавъ зъ лихою годиною! . . .

Дѣвчи̂но, прощай!
Гей, не гайся! на ворогі̂въ, коню!
— Охъ, прощай, козаче! та обороняй
Мати-Украину, й мене їи доню!

Дубино, махай!
Шукай, добувай менѣ долю!
Кого хочъ, моя дубино, зачі̂пай:
Въ лѣсѣ—въ пущахъ маемо мы свою волю!

Сынку, поганяй!
Зъ ні̂кчемного краю та до моря . . .
Почвалаемо мы на чужі̂й - лишъ край:
Може въ морѣ втонемъ — тамъ не сті̂льки
горя.

КОЗАКЪ ТА БУРЯ.

Якъ-то въ бурю по небовй галасъ повстане,
Въ чорныхъ хмарахъ такъ грякне шчо-страхъ!
И за хвилею вынырне хвиля та-й гряне,
Й озоветься въ лѣсахъ, на горахъ:

Чи не той то козакъ, шчо де стане —
И земля тамъ потане?
Чи не той то козакъ, шчо де гляне —
И трава тамъ зовьяне?

Чи по степовû зъ вѣтромъ гарцюе не той то козакъ,
Одъ якого тêкае Татаринъ и Ляхъ?
Чи не вûнъ то гука, перескокуе гору й байракъ,
И на вражû полки сыпле кару и жахъ?

Якъ-же-то вранцѣ
Въ червонѣй хмарцѣ
Сонце выплывае;
Чи не зъ чужины
То до дѣвчины
Козакъ приѣзжае? —

Не одсувайте кватирки въ вûкнѣ,
Не обступайте широкихъ ворûтъ
И старû, и дѣвки, й молодицû!
Бо вже не грае козакъ на конѣ,
Бо вже не стогне земля одъ копытъ:
Вже умеръ чорнобривый, умеръ бѣлолицый!

Якъ вûнъ вертався зъ краю чужого въ свûй дûмъ,

Та якъ вûнъ ѣхавъ въ долинѣ, —
Буря повстала, загуркотѣло, и грûмъ
Впавъ, повалився въ долинѣ!

Якъ розûгнало-жъ тѣ хмары, и геть понесло, —
Глянуло сонечко, знову усе процвѣло!

Шчо-жъ то въ долинѣ? Чи дубъ рясный лûгъ?..
Нû! козаченько найкрасчій полûгъ!..

ПЙДЗЕМНА ЦЕРКВА.

Выпытувавъ я де-кого зъ старыхъ,
Котрй шчо Ляха й Унію видали,
Якъ дѣялося, шчо колись було . . .
А шчо, міряне, слухати бъ бажали?

Казавъ менѣ одинъ чернецъ ось - такъ:
«У Кіевѣ всёму, всёму зачало:
Та и старый, старый же вйнъ козакъ!
Того шче-й небуло, те пйдростало, —
Давно, давно вже Кіевъ панувавъ:

Его церкви ажъ хмары зачепали,
И шапку хочъ бы хто ёму здiймавъ, —
Такъ далѣ славы вже ёму не стало!
Та на Днѣпрѣ-жъ таки була и Сѣчъ . . .
Такъ зпоминать не дуже-бъ-то пристало;
Та не къ сёму таки наша и рѣчъ,
А рѣчъ про те, якъ церкiвця запала.

Поки жили козакъ, списы й шаблюки,
Не добувавъ нiчого даромъ Ляхъ!
Вже зтерпѣвъ и козакъ чимало муки,
Вмиравъ на паляхъ вiнъ, и въ кайданахъ . . .
Такъ и въ чужѣй кровi пополоскавъ вiнъ руки,
Й попанувавъ въ лѣсахъ и по степахъ!
Далѣ — не стало списа и ручницi,
Прiйшлося здать и стѣны, и бiйницi!
— Шчо миркувать! чи доля, чи не доля,
(Мовлявъ народовѣ зъ ченцiвъ одинъ)
Одъ Бога все . . . —

Ажъ сумно . . . далѣ, зъ церквою, шарахъ!
Пiшли пiдъ землю дзвоны, и пропали . . .

Та-й доси, кажуть, якъ умре козакъ, —
Гудуть тѣ дзвоны, плачуть мовъ зъ печали,
А иншого, такъ . . . диво! . . . за житьтя,
Шче на свѣтѣ, тѣ дзвоны поминали . . .
Е чутка: вже не жди зъ того путьтя,
Кого оттакъ тѣ дзвоны поминали:
Такихъ безъ славы й жалю, якъ смîтьтя,
Зъ-промежъ людей смерть вѣчна вымîтае,
Нема про нёго на свѣтѣ чутьтя,
Нема й могилы — въ землю западае!»

ДО ГОСТЕЙ.

Мы до гостей пріязни̂ хочъ коли!
Кинемъ для гостя и плугъ и волы,
Пи̂демъ вказать ему стежку до хаты,
Зъ гостя ни̂ за шчо не возьмемо платы;
Бо намъ казали розумни̂ батьки:
Божою ласкою овощъ — садки,
Жито зъ пшеницею родить намъ поле
Не для однихъ насъ, на всякого долю!
Якъ чоловѣкови̂ мы не дамо,
Богъ покарае, сами помремо!

Въ слёту, зимою мы прiязнû:
Стукне гость въ першû, чи въ третû пѣвнû, —
Встанемо, кинемо сонъ и роботу,
Встанемъ, вûдчинемо гостю ворота:
«Гостю! ночуй въ насъ, и постûль отсе,
Е и для коникûвъ, е въ насъ сѣнце . . .
Бачъ, якiй вѣтеръ мете и гукае!
Тûльки не внось свого, гостю, звычаю . . .
Батько казавъ, шчо якъ свûй оддамо,
Мы и дѣтки нашû — пропадемо.»

ПЙШЛИ НАВТЙКАЧИ!

Светивъ мѣсяць, светивъ зъ по-за-хмары . . .
Два козаки на коникахъ утйкали:
Вони-жъ отто зъ Украины утйкали,
Пилно зъ Украины мовъ вйдъ кары.

Дйбрйвонька надъ водою знай шумѣла,
Шось Днѣпръ-воду дуже колыхало:
Чи-то вона, та дйброва, гомонѣла,
Чи козаки зъ Днѣпромъ розмовляли?

«Не покидайте рîдную, дѣтки, мати,
Не берѣте далекого шляху;
Бо нîкому на ворогîвъ буде стати,
Бо достануся Татару й Ляху!

Найдуть ворога на мене чорнî хмары, —
Литимете кровъ на чужѣмъ краю!
Мене вже ховати кластимуть на мары, —
Спатимете на тихѣмъ Дунаю!

Коли-жъ зъѣла уже ржа списы й шаблюки,
Вамъ огидло ходить за волами,
Зруйнували й вѣру вороги-гадюки, —
Не втîкайте, козаченьки, сами!

Возмѣть-лишень нашу славу вы зъ собою,
Нехай буде про насъ чути й за горами...»
Гомонѣло, гуло надъ Днѣпромъ-водою,
Тупотѣло горами й долами!

ПОКОТИПОЛЕ.

Въ осени̂ мы тряслись въ таратайцѣ въ село:
Вже на нивахъ нічôго тодѣ не було,
Тӣльки шчо покотиполе вѣтромъ несло.

Отто зъ дѣдомъ тряслись: вово все, бачъ, не пѣшки!
Самъ покі̂йникъ державъ, далѣ давъ менѣ ви̂жки;
Тютюнъ вынявъ, та й люльку повненько напхавъ,

Запаливъ, въ зубы взявъ, розкуривъ та-й казавъ
(Коли схоче, розумно старый було каже):

«Ось послухай, малый! якъ шчо въ серце заляже,
Коли хочъ, шчобъ не вызнавъ того чоловѣкъ,
Не кажи и былинцѣ, не тîльки шчо жîнцѣ:
Бо въ жîнокъ, знае свѣтъ, дуже довгiй языкъ...
А, по моему, лучче не мовъ и былинцѣ!
Отсе разъ! а шче-йте, шчо вîдъ кары лихый
Не втече; таки Богъ покарае Святый,
Хочъ зайшовъ бы, де й вѣтеръ не здума повѣять...
Такъ, по моему, лучче лихого й не дѣять!

Въ осени два товарыщî изъ заробîткîвъ йшли,
А одинъ изъ нихъ бувъ чоловѣкъ не хороший:
Вîнъ товарыша вбивъ, шчобъ загарбать его грошî...
Те сподѣялося, якъ жнива вже пройшли,
И у полѣ зъ людей не було нîкогîсинько:

Якъ на помîчъ зарѣзаный кликавъ, стогнавъ,—
Тîльки вѣтеръ озвався, шчо въ полѣ блукавъ,
Зъ покотиполемъ мчався по нивѣ пустîсîнь-
кѣй . . .
Умîраючи, имъ вîнъ казавъ-завѣщавъ,
Шчобъ одъ помсты не втîкъ той лихый чо-
ловѣкъ . . .
Отъ и другî жнива вже прîйшли черезъ рîкъ.
Мужикъ зъ жîнкою въ полѣ якось запîзни-
лися . . .
Коли се мужиковî причудився крикъ:
Покотиполе по̀-полю̀ зъ вѣтромъ котилося!
Вîнъ изпершу злякався, далѣ засмѣявся,
Та-й не зтерпѣвъ, и жîнцѣ своѣй вîнъ при-
знався
(Бо вже въ полѣ зъ людей не було нîкогîсîнько):
Каже, кликавъ на помîчъ на нивѣ пустîсîнь-
кѣй . . . .
Черезъ три-днî село уже знало, й не втîкъ,
И вîдъ лиха не втîкъ той лихый чоловѣкъ...
Бо въ жîнокъ, знае свѣтъ, дуже довгîй языкъ!»
Вîжки въ мене узявъ, потряслися въ село . . .
А на нивахъ скрîзь пусто та пусто було,
Покотиполе вѣтромъ несло та гуло.

БАБУСЕНЬКА.

Старую бабусеньку згадаю! вона мене кохала: пѣснями пеленала, рîднымъ словомъ кормила, рîднѣй мовѣ учила, старую бабусеньку згадаю! Згадаю старую сиротину! бо вже îи родину давно взяла могила, и землею здавила, й кропивою прикрыла, дожчемъ-снѣгомъ змочила. Бабусенька була сиротина: бо давно îи дитина, шчо Царевî служила, голоооньку зложила, въ степу-полѣ заснула, грому й вѣтру не чула... Про козака вона спѣвала:

якъ его мати проганяла, дибривонька гомонѣла; якъ его вона выкликала, зъ степу чутка летѣла: шчо вйнъ зъ вѣтромъ тамъ грае, его дожчикъ вмывае, розчйсуе его густый теренъ! И про того козака спѣвала, про якого могила зъ вѣтромъ говорила: зозуленька надъ нимъ плаче, его коникъ въ степу скаче, надъ нимъ чорный воронъ кряче; кряче, налйтае, очи высмыкае, кровью запивае... и про его бабусенька спѣвала! Та шче бабусенька згадала: якъ зозуля кувала, лихо вѣщувала; якъ чорная година списы, шаблй трощила, и довгую чуприну въ крови помочила, та-й въ глыбокую могилу зарыла. Бабусенька менѣ спѣвала, мовъ осйнь листя зрывала, и въ осоцѣ шелестѣла: вже здавъ голосъ, бабусенька хрипѣла; вона жъ таки спѣвала, вона жъ таки спѣвала!

САМОТНИЙ СПѢВЦЙ.

Пойте, людіе, пойте.

Ой, изъ моря изъ глыбокого
Крута скеля пйднймаеся;
Промежъ хвилями однимъ-одна,
Та-й у бурю не хитаеся.

Поверхъ каменя сѣденького
Молоденькій вьязъ виднѣеся;

Вйнъ росте-цвѣте однимъ-одинъ,
Самотный вйнъ зеленѣеся.

И рыбалочка самйсйнька
И снуеся и выспѣвуе;
На зеленый вьязъ прилйтуе,
Дѣточки свои провѣдуе.

Любо самотнымъ жить нà-свѣтѣ,
Скеле, вьязе и рыбалочко . . .
Любо, любо . . . коли-се гень-гень
Налйтае чорна хмарочка.

Буря-хвиля розходилася,
И на камйнь напустилася:
Розхитався, розшатався вйнъ,
Зъ нимъ зеленый вьязъ пйшовъ на дно . . .

И рыбалочка снувалася,
Поки дуже притомилася,

И въ водицю опустилася,
Вйдтйля вже не верталася . . .

Хай же я вамъ нагадаю,
Гей, вы самотнй спѣвцй!
Шчо нйкчемнѝи для краю
Всѣ самотнѝи пѣснй!

Той пустився въ синье море,
Той на темный чужій край:
Мовъ не вчули (шчобъ имъ горе!),
Шчо мовлявъ розумный Царь . . .

Е въ насъ Вѣра, Царь и Мова,
И чимало насъ Словенъ,
Все свое въ насъ . . . ну, чого вамъ
Шче шукати въ бусурменъ?

Гей, вы злйтайтеся хлопцй спѣвцй:
Голоснѣше заспѣвае стая!

Край не малый въ насъ, великій въ насъ Царь:
Шчобъ була-жъ и пѣсня голосная!

Станемо корнемъ на рîднѣй землѣ,
Мîцно, лѣсомъ...насъ не зкине око!
Тîльки брехню чужина прокричить,
Гряне пѣсня изъ Русî широко!

Скелями-валомъ врости-бъ намъ, спѣвцî!
Бувъ бы Царству валъ замѣсь плотины:
Нечисть якъ вродиться въ иншѣй землѣ,
Не пустивъ бы въ край нашъ изъ чужины.

ДИТИНА-СИРОТИНА.

1.

Якъ тîльки гулькъ на свѣтъ свята недѣля,
То й стане заразъ веселѣшій свѣтъ,
И выйде сонечко, мовъ на весîлья,
Червоне й гарне, якъ та рожа-квѣтъ.
Дитина беля церкви смутна, тиха:
Хиба однѣй ѣй яке лихо?

2.

Старе й мале, до церкви знай пилнуе;
Бо дзвîнъ давно вже кличе: бовъ та бовъ!
Спѣвае дякъ, ажъ все сусѣдство чуе;
Зъ кадила дымъ по церквî вже пîшовъ . . .

Однимъ-одна на улицѣ дитина,
Й старенькая на ѣй свитина.

3.

Посыпали вже зъ церкви чоловѣки,
Хлопьята, молодицѣ и дѣвки;
Ось по дворахъ пѣшли старцѣ, калѣки;
Частуються, кому кого зъ руки . . .
Дитину шчось нѣхто не привѣтае,
И на пирѣгъ не закликае.

4.

И сонечко вже пѣднялось . . . палае . . .
Панъ зачинивъ вѣкно, мухъ выгнавъ, спить . . .
Хто лущить соняшникъ, орѣхъ кусае,
А де-хто такъ пѣдъ хатою сидить . . .
Дитина-жъ та по-пѣдъ тыномъ блукае:
Чи-то й хатиночки немае?

5.

Въ пѣску, на сонцѣ, дѣтвара ѣграе . . .
Въ бѣленькихъ сорочкахъ . . . прїйшло й
воно . . .

Нŷхто ёго и словомъ не займае:
Межъ ними все собѣ однимъ-одно . . .
Чи міръ тому мовъ травка зеленѣе,
Кому мовъ сонце счастя грѣе?

6.

Онъ, беля церкви, впьять, бачу, дитина . . .
Перехрестилося, та-й далшъ бреде:
Тимъ шляхомъ дякъ, та домовина,
Та пŷпъ зъ кадиломъ инколи иде . . .
Прійшло, та-й сѣло собѣ на могилу;
А ихъ багацько зеленѣло!

7.

Въ вечерню дзвоны вже людей зкликали,
И ажъ по-за селомъ гуло: бовъ, бовъ!
Надъ гробовищемъ ластŷвки лŷтали,
Вѣтрець на ёго зъ поля йшовъ . . .
Воно къ землѣ мовъ къ рŷднѣй прилягало,
Зъ могилою мовъ розмовляло . . .

8.

Й радесенька дитина уставала,
Мовъ рŷдныхъ, батька й матŷнку, знайшла;

На сонечко вечи̂рнье поглядала,
Мовъ ри̂дная тамъ хатонька була . . .
А сли̂зоньки яснесеньки̂ якъ скло
Капъ, капъ зъ очицъ . . . и въ церкву йшло.

ДУМКА ЧЕРВОНОРУСЦЯ.

Все ся втихомирило . . . либонь заснуло! . .
Вже по вымощеныхъ улицяхъ не грякотить,
Не лящить и голосный москаль: кипить, кипить!
Де-коли гукне на баштѣ, й понесеся
Гукъ по городови̂, и мале жахнеся . . .
А нîхто не вештаеся и не гомонить . . .
Тîльки зъ крышъ залѣзныхъ дожчъ то капа, то дзюрчить . . .
Все ся втихомирило, либонь заснуло!

Край въ сю пору згадуе мй ся частенько,
Де густй луги, садочки зелененькй,
Й хаточка въ-межъ нихъ бѣлѣеся панянкою . . .
И въ садкахъ, въ гречкахъ, въ лѣсахъ пасѣки и бджйлки!
Де святки зъ колядкою, весна зъ веснянкою,
И такй чуднй казки, кумеднй загадки;
Де дѣвчина изъ пѣснями, зъ чорными бровами . . .
Де жила старовина, поки жили батьки!

Хто тя, краю милый, хто по волѣ кине?
Хто къ тй изъ чужины, краю, не полине,
Изъ-за моря думкою, зъ-за горъ голубкою?
Въ безрйдного душа вьяне, сердце стыне;
Полину-жъ къ тй хоча думкою-голубкою!
Тяжко-важко, тяжко-важко на чужинѣ:
Чужина мя не родила и не колыхала,
Мя не годувала, може-й не бажала!

ГЕТЬМАНЪ.

Въ туманъ зироньки поховалися,
И мѣсяць у хмары заплывъ;
Рѣчки дожчовіи снувалися . . .
Старый Днѣпръ шумѣвъ, гомонѣвъ.

Высоко на замцѣ, въ сю ниченьку,
Нашъ гетьманъ вельможный стоявъ.
Чи винъ любувався на рѣченьку,
Чи слухавъ якъ дожчъ порощавъ?

Вйнъ голову сиву схиливъ якъ былину,
И пилно орломъ позиравъ на Вкраину.

«На сторожѣ мое ухо;
А все тихо, а все глухо!
Чи козакъ и кйнь умеръ?
Чи орелъ безъ крылъ, безъ перъ?
Вже край втихомиривcя: чую одъ моря до моря
Не пахне вже ворога духъ,
Не мае вже вражого трупу . . .
Якъ на гробовищахъ въ нйчъ глу-
пу,
Де смерть все розсыпала въ пухъ,
Все, чую, вже тихо одъ моря до моря . . .
Чи орелъ безъ крылъ, безъ перъ?
Чи козакъ и кйнь умеръ?
Все и тихо, все и глухо . . .
Даромъ на сторожѣ ухо!»

Прислухався, глянувъ шче разъ на Вкраину,
Схиливсь якъ былина и самъ въ домовину . . .

На замокъ дивлюся: вже въ нѝченьку
　　Панъ гетьманъ либонь не стоить . . .
И слёзы не каплють на рѣченьку,
　　Й не слуха якъ дожчъ порощить! . .

У хмары зѝрки поховалися,
И мѣсяць заплывъ у туманъ . . .
Рѣчки дожчовѝи снувалися,
И Днѣпръ гомонѣвъ якъ гетьманъ.

СТАРЕЦЪ.

Не до конца забвенъ будетъ нищій.

Вѣтрецъ передзимный, вохкій, холодненькій
В поблеклѣй дибровѣ листомъ шевеливъ-шелестѣвъ.
Йшовъ старець зъ торбиною сивый старенькій,
По листю червоному й жовтому, листъ хрупотѣвъ...

«Колись-то, якъ Богъ шче не взявъ въ мене батька и неньки,
Въ сю пору на тйкъ було-возимъ стйжки . . .
Було въ насъ усёго: и хата, й садки зелененькй —
Вишневй, грушовй, медокъ и бджёлки...

Умерли — злй люди прогнали зъ хатины,
И старцемъ пустили малого мене . . .
Схиляю головку старому й дитинѣ,
Менѣ й ненарокомъ нйхто не кивне!..

По селахъ тыняюся; сплю коло тыну:
Не рйдпй, чужіи и хаты, и тынъ! . .
Мене може вѣтеръ въ лихую годину
Зорве якъ былину . . . не бовкпе и дзвйнъ! . .

А шче и для мене Богъ на-свѣтѣ радйсть зберйгъ:
Въ село причвалаю въ недѣленьку вранцѣ,

Та-й слухаю . . . бовъ! . . то я въ церкву,
мерщѣй на поригъ! . .
То домъ не чужій и для Божого старця! . . . »

Вѣтрецъ передзимный, вохкій, холодненькій
Въ диброві пожовклѣй листомъ шевеливъ-шелестѣвъ . . .
Дзвинъ бовкнувъ . . . йшовъ старець швиденько, швиденько,
А далѣ втомився, схилився, присѣвъ та-й зомлѣвъ.

КОЗАЧАЯ СМЕРТЬ.

Посвящено

Петру Петровичу Артемовскому-Гулаку.

Сваты попоиша, и сами полегоша.

Де недавно козакъ гомонѣвъ,
Ёго кûнь тупотѣвъ,
Якъ на Ляха козакъ налûтавъ,
Въ нёго спись запускавъ;

Тамъ тихо по бѣлому степовû сивый
Туманъ розлягаеся . . .

Ясный мѣсяць то изъ - за хмары погляне,
То въ хмару ховаеся...
Степъ-земля рйдну й нерйдну кровъ допивае;
А промежъ трупами стогне, мовъ розмовляе...
То старый козакъ изъ сыномъ вѣку доживае,
И порубаный зъ посѣченымъ вйнъ розмовляе...

— Батьку, батьку! менѣ душно, мене пече,
Въ горлѣ засыхае!
— Сынку, сынку! беля мене все кровъ тече,
Водицй немае!

— Батьку, батьку! хто по насъ въ степу заплаче,
Хто насъ поховае?
— Чуешъ, сынку? чорный воронъ вьеться, кряче,
За дяка спѣвае!

— Батьку! изъ-за плечей морозъ подирае,
Въ сердцѣ стыне, стыне...

— Трупомъ вкрыйся, кровью вражою умыйся,
Й ихъ не трохи гине! —

Оттакъ розмовляло, далѣ застогнало,
А далѣ й замовкло . . . тйльки кровъ дзюрчала . .
Де недавно козакъ гомонѣвъ, ёго кйнь тупотѣвъ, —
Воронъ крякавъ, лйтавъ, и спускався, й на трупахъ сйдавъ . . .
Чуешъ, якъ и вѣтеръ засвистѣвъ, загомонѣвъ?
Плаче, оплакуе козакйвъ — своихъ братйвъ! . .
Кости по степахъ въ пйскахъ ховае,
Пѣсню поминалную спѣвае . . .

ГУЛЯНКА.

Зрше на запюлена зраки, и пѣнѣмъ срдце ймаше.

Вже не по першѣй пьемо отсе чарцѣ:
Такъ изгадаймо про де-шчо мы, братця,
Шчобъ воно зъ нами шумѣло, гуло,
И гуркотѣло, стогнало, ревло!

Въ чорныхъ хмарахъ, чорныхъ хмарахъ
Зъ небомъ мѣсяць и зѣрки,

Червонѣють въ чорныхъ хмарахъ,
Грають, грають блискавки.
Грякъ, и далеко загуркотѣло!
Вѣтеръ зхватився, и загуло!
Въ лузѣ, въ дібровѣ загомонѣло;
Море повстало, и заревло!
Тріскотня въ борахъ, бо сòсны вѣтръ и
грîмъ стреляе;
Галасъ! грîмъ и вѣтеръ землю й море бье,
карае!

Вже не по першѣй пьемо отсе чарцѣ:
Такъ изгадаймо про де-шчо мы, братця,
Шчобъ воно зъ нами шумѣло, гуло,
И гуркотѣло, стогнало ревло!

Въ село, на крышѣ хатъ, въ солому,
Чи одъ землѣ, чи-то одъ грому,
Прожорливый лихый огонь прійшовъ:
На крышу зъ крышѣ вінъ, червоный, йшовъ
Якъ одъ овечки до овечки вовкъ . . .
Хто зпершу и кричавъ, далѣ замовкъ:
Пожаръ гарцювавъ по селу дуже шумно;
Стояли, дивилися люди . . . ажъ сумно! . .

**

Земля стугонѣла, огонь гуготѣвъ, и стогнало село:
Дымъ, вѣтеръ й огонь тамъ боролись, трйщало, ревло!

Вже не по першѣй пьемо отсе чарцѣ . . .
Такъ изгадаймо про де-шчо мы братця,
Шчобъ воно зъ нами шумѣло, гуло,
И гуркотѣло, стогнало, ревло!

Текла червоная рѣка,
Якъ Ляхъ йшовъ на козака:
За нимъ, пйдъ нимъ, надъ нимъ
Огонь и кровъ и дымъ!
Шабли брязчали;
Списы трйщали!
Трощили кйстки копытами,
Мостили мйстки головками.
Скакали на вороному конѣ;
Стогнали долй въ червонѣй крови . . .
И ручницй и лукъ-пукъ, пукъ, пукъ, пукъ!
И то ворогъ, то кйнь-гепъ, гупъ, гепъ, гупъ!

Вже не по першѣй пьемо отсе чарцѣ...
Такъ изгадаймо про де-шчо мы, братця,
Шчобъ воно зъ нами шумѣло, гуло,
И гуркотѣло, стогнало, ревло!

Нû! крикъ то шче не крикъ, якій учуе ухо,
И до якого міръ привыкъ.
Отто страшнѣшій крикъ, якъ тихо-глухо,
Замовкъ языкъ, бо въ сердцѣ крикъ...
И мовчки, тихо, тихо
На міръ находить лихо.
Якъ потухне сонце, крикъ такій по міру гряне,
И проснеться, изъ могилъ, шчо спало въ нихъ, повстане...

Одже-й не весело, якъ-то й не шумно...
Слухайте, братця, якъ тихо и сумно...
Бовъ!.. то по мертвому бовкнуло въ дзвûнъ,...
Въ церкву ходѣмо, Боговû вдарьмо поклûнъ!

ШИНОКЪ.

Галасъ, гукъ и крикъ,
Ажъ трясеться шинкъ!
Хто пѣсню заводить,
Далѣ-й занявчить;
Изъ барилъ дзюрчить,
Все ходоромъ ходить:
Брязкотня чарокъ,
Шкваркотня люлïокъ,
Трйскотня лавокъ,
Трясеться шинокъ!

Чи не до утренни̂ кличе то дзві̂нъ?
— Ні̂! то зъ мірянъ хтось теленька зъ пох-
ми̂льля! —
Чи-то по мертвому бовкнуло въ дзві̂нъ?
— Ні̂! то вѣнчае пи̂пъ, на веси̂льля
Завтра збереться цѣле село . . .
Бачъ, въ усѣ дзвоны якъ загуло! —

Старый каже, шчо ви̂нъ сиротина,
Однимъ-одинъ якъ въ оси̂нь былина:
Давно въ ёго катма жи̂нки,
Въ ёго катма й дѣточокъ,
Тильки й ри̂дныхъ шчо шинокъ!
Ні̂кому справлять поминки,
Ні̂кому й веси̂льля одбувать,
Окромъ себе, ні̂кого ховать!

Не зтакъ старый: «жи̂нка е,
Е шче и дитина;
Та якъ выпье, й жи̂нку бье,
Плаче и дитина:
Тимъ ви̂нъ дома и не пье,
А въ шинку зъ кручины!»

Хлопець каже: «шче поки пора,
То й гуляй, кричи: тара, рара!

Старість швидко причвалає;
Хай же вона утікає,
Старість, навісна мара;
Крикнемъ, гукнемъ: трарара!

Батько дуже вже розумный,
Того дома въ насъ такъ сумно;
А въ шинку не зтакъ розумно,
Зате шумно и не сумно!

За чуприну смерть хапа —
Йди зъ грѣхами до попа:
У шинку не та пора —
Кричи, гукай: трарара!»

Чи не до утренні кличе то дзвінъ?
— Ни! то зъ мірянъ хтось теленька зъ пох-
мільля! —
Чи-то по мертвому бовкнуло въ дзвінъ?
— Ни! то вѣнчае піпъ, на весілья

Завтра збереться цѣле село . . .
Бачъ, въ усѣ дзвоны якъ загуло! —

На дзвіинницѣ гуло,
Розбудило село:
Зиркъ! червоный пѣвень вставъ
На шинку, та-й заспѣвавъ!
Вѣтеръ засвистѣвъ, и съ пѣвнемъ заспѣвавъ,
Чорне и червоне пірья роздувавъ . . .
Сонце встало: вже въ шинку не гомонѣло;
Бо шчо гомонѣло, все вже почорнѣло,
Почорнѣло, погорѣло,
Зъ вѣтромъ полетѣло!

Н Й Ч Ъ.

Менѣ въ памьятку нйчъ, якъ
Сѣли въ човенъ старый — дякъ,
Дякъ та я, та-й махнули . . .
Та и тихій лежавъ
Тодѣ Псло,
И, гладенькій, блещавъ
Якъ-бы скло:
Верстъ за пьять либонь чули,
Якъ шубосне весло,
И мовъ срйбнй зйрки

Заблещать крапельки,
И притихне впьять Псло . . .
Дякъ казавъ
(Бо читавъ
Вже книжокъ вîнъ доволî
И у церквî, и въ школѣ;
Бо на те вже и дякъ
Шчобъ книжки тѣ читать!)
Вîнъ казавъ: одже бачъ глыбоченько на днѣ
Мовъ маленькî рыбки
Тѣ ясненькî зîрки?
Та шче зъ ними и мѣсяць: вони не однî!
Воно й чудно хто зъ розумомъ гляне!..
Одже оншо: якъ снѣгъ на веснѣ
Шче денёкъ поблещить, та-й ростане;
Якъ трава въ осени на землѣ
Зелененька, а завтра й зовьяне;
Снѣгу лѣтомъ, зîмою травы вже немае,
Хочъ де хоче нехай чоловѣкъ пошукае:
Колись свѣтъ такъ зовьяне, ростане!
А хто вмеръ, той устане, погляне:
Уже сонця немае,
И землî вже немае!

Тѝльки те, шчо вѝнъ на̀-свѣтѣ дѣявъ,
Коли доброго шчо тамъ посѣявъ,
Зѝйде въ небѣ, й зѝркою засвѣтить,
И до Бога стежечку освѣтить . . .
Хто посѣявъ лихо, тому лихо зѝйде:
Темно, темно . . . и до Бога вѝнъ не дѝйде!
Ёму вѣчно блукать,
Дарма раю шукать,
Въ сердцѣ пекло нести,
И лѝтать и брести,
И брести и лѝтать,
Въ сердцѣ пекло нести,
Дарма раю шукать,
Ёму вѣчно блукать!

Одже, чувъ ты? Божій свѣтъ ростане и зовьяне,
Якъ трава у восѝнь вьяне, снѣгъ весною тане;
Хто шчо въ свѣтѣ дѣявъ, въ Бога ся зостане:
Богъ такъ каже . . . якъ Вѝнъ каже, такъ и стане!

ПОЖАРЪ МО̀СКВЫ.

Царство Бѣлого Царя широко розлеглося,
Одъ восходу до заходу сонця простяглося:
Є тамъ чимало мѣсця для силы,
Мѣсця чимало и для могилы . . .
Тѣсно вже въ Нѣмця, тѣсно, и мѣсця неразъ
Для гробовища въ ёго землѝ либонь не стало;
Зъ силою-ратьтю йшовъ тодѣ Нѣмецъ на насъ,
Для гробовища рѝдную землю мы уступали,

И до землѝ ажъ Нѣмцѝвъ списами мы притинали,
И въ глыбоченькихъ, рѝдныхъ, бѣленькихъ снѣгахъ ховали!

Шче не далеко изъ міру утѝкъ
Памьятный Москвѣ и мірові рѝкъ,
Якъ пѝвнеба зѝрочка мѝтлою зостилала,
За грѣхи по всѣхъ усюдахъ кару розмѝтала:
Французъ изъ Нѣмцемъ побратався, край нашъ псувавъ,
Вѣшавъ и рѣзавъ людей, церкви обдиравъ.

Якъ-же Царь загомонѣвъ, та якъ сыпнули,
Якъ зъ усѣхъ кѝнцѝвъ гостей жарнули:
Самопалы
Якъ ревнули,
Задзизчали
Кулѝ, кулѝ;
Засвистѣли
Стрѣлы, стрѣлы,
И козацькій гострый списъ

Въ ребра ворогивъ полѣзъ . . . .
Якъ одъ косы покосы ворогъ до землѝ лягавъ,
Кровью чужую землю поливавъ и полоскавъ . . .

И козакѝвъ изъ могилы въ часъ той выкликали,
Шчобъ уставали на помѝчъ — Мо̀скву ратува̀ли:
Знову чубатый на конику въ полѣ гасавъ,
Москву святую изъ пѝдъ ворога̀ вызволявъ!

И нашихъ костей полягло
Тодѣ коло Мо̀сквы чимало;
Та такъ ихъ чимало було,
Шчо й воску на поминъ не стало!
Та шчо-жъ! мы одну запалили имъ свѣчку:
Про свѣчку такую шче-й свѣтъ не чувавъ,
Яку мы зпалили одну — невеличку
За тыхъ рѝднѝ душѝ, хто насъ ратува̀въ . . .
И Москва, якъ Божая свѣчка, огнемъ занялася,
И Москва, якъ ворога кровью, огнемъ залилася;

Якъ зи̂рка зъ ми̂тлою, шчо въ небѣ стояла,
Пи̂вднеба червонымъ хвостомъ застилала...
Вона гуготѣла, вона клекотала,
Стогнала, три̂щала, ревла и бурхала
Якъ хмары та хмары изъ черева дымъ,
А въ нихъ гуркотѣвъ зъ блискавками и
гри̂мъ...
Такую братамъ на поминки мы свѣчку
Для Бога зпалили одну — невеличку;
Вона-жъ намъ одъ Бога купила избаву,
Зъ насъ тяжкую кару зняла:
Изъ ри̂дного краю, мовъ зи̂рка ми̂тлою,
Всю нечисть-чужину змела!

ВЬЯЗОНЬКО.

(пѣсня).

Ой, вьязоньку молоденькій,
Чому рано опадае,
Чому по-полю лѣтае
Твій листонько зелененькій?
Та чи вже-жъ-то роса зъ неба не зпадае,
Чи сонечко землю вже не пригрѣвае?

А е вьязы вже й старіи,
А шче на ихъ зеленѣе,

Й вѣтеръ по-полю не сѣе
Ихъ листки уже сухіи:
Чи-то вѣтеръ на ихъ однихъ этиха вѣе?
Чи ихъ роса поливае, сонце грѣе.

«Нй, братйку! й мене роса мые,
Й менѣ сонце тепло посылае:
Не, те, шчобъ долй менѣ не мае!
Та въ чужинѣ сердце менѣ ные...
Того-жъ бо то и листъ рано опадае,
Хочъ, братйку, мене й вѣтеръ не хитае!»

ДОБРЫДЕНЬ.

Добрыдень!
Глянь, якій усюды день:
Свѣтъ вже въ хатѣ й на дворѣ;
Вже зібрались косарѝ,
Та въ клепала: дзень, дзень, дзень!
Добрыдень!

Годѣ спать!
На роботу уставать
Зъ позаранку привыкай,
Та-й мене - лишень не гай:
Бо пора й почаступать!
Годѣ спать!

Г Л Е К Ъ.

Посвящено Грицькови̂ Основьяненкови̂.

Йшовъ Глекъ Петро, уже пи̂зненькою добою,
Ви̂дъ панотця, та-й такъ балакавъ самъ зъ собою:
«Ни̂, ни̂, паноче, ни̂! шчобъ помылився,
Та не въ своѣй я хатѣ опенився . . .
Ни̂, ни̂! сёго не буде вже зо мною! . . .
Доба, бачъ, пи̂зня . . . . та-й сею добою,
Хочъ трохи, бачъ, и выпивъ, си̂лькось! дочвалаю
Таки до хаты . . . . вже и мрѣе изъ за гаю!

Ось! Божіи на небѣ зі̂рочки,
Мовъ на Великдень въ церкві̂ свѣчечки,
Дна за другою блись та блись
А далѣ всѣ и занялись!...
А онде й молодикъ! здоровъ-бувъ, молодиче!
Эге! чи вîнъ то чуе, якъ ёго хто кличе?
Залѣзъ собѣ за хмару, та-й куня!—
Та де тсе я? отсе ишче пеня!
Он-тамъ шчось бованѣе мовъ сті̂жки...
Такъ не сті̂жки.... э, бачу, могилки!
Се гробовище, бачу! онде мрѣе
Й зеленый хрестъ — старый тамъ сотникъ тлѣе!
Та шчо то бувъ зъ ёго колись за чоловѣкъ!
И довго живъ: такимъ дай Боже й довгій вѣкъ!
Въ недѣлю, въ свято зпозаранку
Отсе ворота и оддзяпить:
Иди, иди хто ті̂льки втрапить—
Е всякому горі̂лки чарка,
Й усе! Э, вже такихъ, мабуть, нема на свѣтѣ!
Хочъ, такъ-таки, перебери въ усѣмъ повѣтѣ,

Хочъ зъ свѣчкою шукай, нема таки, нема!
А вже ума того було въ нёго, ума! . . . .

А осьдечки й Семенъ Патыка.
Хочъ голова була й велика,
Та розуму вдѣливъ Господь ѣй трохи:
Все жи̂нки було слуха ви̂нъ Явдохи!
Чи до людей пїйти, чи жито жати,
Чи-то другая де яка робота:
Усѣмъ Явдоха вже розпоряжае!
Ну, такъ шчо вже не выйде було зъ хаты,
Не ти̂льки шчобъ безъ жи̂нки за ворота:
Воно-бъ-то й чудно, а въ людей бувае! —

Э! не такїй бувъ Опанасъ Кули̂шъ:
То, бачиться, лежить ви̂нъ въ лѣву руку . . . .
Голи̂нный вдався на усяку штуку:
Чи ві̂зъ, чи колесо, чи-то леми̂шъ
Полагодить тобѣ, або сокиру, —
До ёго йди: ви̂нъ вже такїй . . . хочъ шчо утне!

Зъ бѣды не разъ вызволювавъ вûнъ и мене,
Та-й шли до его изъ усёго міру!
А ёго жûнка шче къ тому й знахорювала,
Та таки-такъ, шчо де-кому и помагала.

Побеля ёго и Юхимъ Стонога:
Такъ, нû-завûщо згинувъ вûнъ, небога!
Поки не зстарûвся, було завзятьтя,
Була худобинка, и люди поважали!
А якъ, на старûсть, поховавъ вûнъ зятя,
Й дочку; такъ таки тѐ, шчо вûдъ печали,
Та й такъ—вûдъ чого, хто ёго вже знае —
Шчодня, сердега, вûнъ въ шинокъ було
чвалае . . .
Не те шчобъ самъ вûнъ пивъ—вûнъ и люд-
цûвъ частуе —
Такъ, бачъ, було вже дуже часто чимчикуе!
А далѣ нû-навûщо звûвся . . .
Зûмою якось запûзнився —
(Та и лиха-жъ була година!)
Заклякъ сердега въ хуртовинѣ . . .

Онъ-тамъ, беля вербы, Олекса Шпичка:
Русявый чоловѣкъ, а хата не величка,
И по сусѣдству живъ—кумедный чоловѣкъ!
Ну такъ, шчо въ выгадкахъ пройшовъ ёго ввесь вѣкъ . . .
И выдумавъ вiнъ на своѣмъ вѣку чимало,
Та все за нимъ собѣ въ могилу почвалало!
Отсе було сидить вiнъ въ мене, або въ кума, —
Всѣ торохтятъ, а вiнъ тихесенько . . . все дума!
А тамъ, гляди! по своему млинъ и змайструе:
«Та се не млинъ!» зъ розумныхъ де-хто було каже;
«Нi, нi . . .» Москаль народовi було толкуе:
А млинъ тобѣ, якъ дiогтемъ вiнъ ёго пiдмаже,
Якъ пiде було драть — и вѣтру мовъ не мае,
Дере вiнъ, крылами якъ той орелъ махае!
Отсе майстры «навчи, будь-ласкавъ!» та зъ поклономъ!
А вiнъ: «отъ бознашчо! хиба воно такъ трудно?
Подумай-лишень самъ! хиба подумать нудно?
А вже навчить не вмѣю! бiй хочь макогономъ!»

Не тӥльки те, й узла по нашому не звяже,
А все по своему: «на те и розумъ!» — було каже —
«Тче и паукъ, таку якъ батько, павутину!»
Такйвській бувъ! одже пйшовъ у домовину...

Въ отсѣмъ кутку Ляцй: йхъ на селѣ
Було не трохи; одже всѣ въ землѣ!
Одинъ изъ нихъ . . . Павло . . . такъ той ажъ въ манастырь
Пйшовъ, до Кіева, та-й у ченцй по-стригся:
Спасенный чоловѣкъ!.. вже може й присвятився . . . .
Якъ зійдуться було, та якъ почне Псалтырь —
Э! вже письмо, покійникъ, знавъ вйнъ дуже! —
Воно, хто його зна, шчо вйнъ таке читае,
Такъ слёзы котються, й морозъ всёго проньмае . . .
А вйнъ собѣ чита, ёму й байдуже!
Якъ въ Кіевъ разъ пйшло нашихъ зъ села чимало,

Зъ нимъ бачився нашъ Федйръ Поко-
тило:
«Не те (казавъ) вже и въ ченцяхъ якъ-то
бувало!»
Уремья-бъ-то усе переробило!...

Всѣ полягли! садки, ставки и хаты,
Й дѣтокъ покинули, хто бувъ жонатый! —
Тутъ матйнка моя й покійникъ батько:
Одъ нихъ малымъ зоставсь я, й мене
Принявъ Михайло Квачъ, покійный
дядько:
Его за те Богъ въ царствѣ зпомьяне!
Э, вже такихъ нема; вже вывелись межъ нами!
Вйнъ зъ Запорожья бувъ, та якъ було
почне
Про старину ... вже вывелись такй межъ
нами ...
Вйнъ взявъ мене, довйвъ до розуму, женивъ ...
Богъ давъ було й дѣтокъ, та въ свѣтъ
пустивъ
Не на-довго .... и жйнку разлучивъ зо мною...
Упьять я на-свѣтѣ зостався сиротою ...»

Такъ Глекъ старый балакавъ дуже, далѣ тихше,
А тамъ замовкъ, схилився на могилу...
До церкви вранцѣ йшли — до ёго, вйнъ недыше:
Взяли, та-й положили въ домовину.

СМЕРТЬ БАНДУРИСТА.

Утрудихся зовый, измолче гортань мой,
буря потопи мя.

Буря вые, завывае,
И сосновый бӣръ трощить;
Въ хмарахъ блискавка палае,
Грӣмъ за громомъ грякотить.
Нӣчъ то углемъ вся зчорнѣе,
То якъ кровъ зачервонѣе!

Днѣпръ клекоче, стогне, плаче,
Й гриву сивую трясе;

Вӣнъ реве, й на камӣнь скаче,
Камӣнь рве, грызе, несе . . .
Грӣмъ шчо гримне, въ берегъ гряне —
Зъ пущӣ поломья прогляне.

Те не дивно, шчо такъ шумно,
Шчо разъ-по-разъ блись та грякъ!
Те дивнѣшъ: спѣвае сумно
Надъ Днѣпромъ старый козакъ:
Пѣсня зъ вѣтромъ розлӣтае,
Мовъ той вѣтеръ братомъ мае . . .

«Грӣмъ напусти на насъ, Боже, зпали нас въ пожарѣ:
Бо и въ менѣ, и въ бандурѣ вже гласъ замӣрае!
Вже не гремѣтиме, вже не горѣтиме якъ въ хмарѣ
Пѣсня въ народѣ, бо вже наша мова конае!

Хай же грîмъ насъ почуе, шчо въ хмарахъ кочуе;
Хай нашъ голосъ далеко по вѣтру несе,
Поки вѣтромъ якъ листъ насъ зъ землî не зтрясе;
Хай и Днѣпръ стародавнiй дъ насъ пѣсню почуе,
Поки вiнъ насъ въ море не внесе, не вкине,
Поки мова й голосъ въ насъ дотла не згине!
Хай луною по степовî голосъ иде,
И по пущахъ Днѣпровськихъ межъ звiрьямъ гуде!

Може звiръ, може-й бiръ,
Степъ та вѣтръ, море й Днѣпръ,
Може, хмара,
Грîмъ и кара,
И бандуру, и мене
Козаковî зпомьяне!

Якъ сивый степъ бѣлѣтиме,
Якъ чорный бiръ шумѣтиме,

Якъ звиръ въ пущахъ ревѣтиме,
Якъ блискавка въ хмарахъ-хмарахъ
Кровью заснуеться,
Гримъ до-долу въ карахъ-карахъ
Грякне, й все заньметься,
И старый Днѣпръ въ чварахъ-чварахъ
Встане, й озоветься...
Може и пѣсня зъ вѣтромъ ходитиме,
Дійде до сердця, сердце палитиме;
Може й бандуру шче хто учуе,
Й сердце заные и затоскуе...
И бандуру и мене
Козаченько зпомьяне!»

Буря вые, завывае,
И сосновый биръ трощить;
Въ хмарахъ блискавка палае,
Гримъ за громомъ грякотить,
Нѝчъ то углемъ вся зчорнѣе,
То якъ кровъ зачервонѣе!

Днѣпръ клекоче, стогне, плаче,
Й гриву сивую трясе;

Вŷнъ реве, й на камŷнь скаче,
Камŷнь рве, грызе, несе . . .
Грŷмъ шчо гримне, въ берегъ гряне —
Зъ хвилŷ бандура проглянe!

Запалало — и — зтемнѣло . . .
Застогнало въ небесахъ . . .
Хлынувъ дожчъ . . . загомонѣло
На горахъ, поляхъ, въ борахъ . . .
Старця й бандуры немае,
Пѣсня по̀-міру лŷтае!

Луна

изъ

Словеніи.

Sláwie! ó Sláwie! ty gméno
Sladkých zwuků, hořkých památek
Stokrát rozerwané na zmatek,
Aby wždycky wjce bylo ctěno;

=

Od Uralů Tatrám na temeno,
W pauštěch, kde má rownjk počátek,

Až kde slunka mizj dostatek —
Králowstwj gest twoge rozloženo:

==

Mnohos nesla, a wšak křiwdy činů
Nepřatelských wšecky přežila,
Ba i špatný newděk wlastnjch synů.

==

Tak, když ginj snadno w půdě měké,
Ty si trůny sobě twerdila
Na stoletj rumjch dlauhowěké.

KOLLAR.

ИЗЪ ЧЕХІ̂И.

I.

НОЧНА РОЗМОВА.

ИЗЪ ЧЕЛЯКОВСЬКОГО.

То не покрылася жовтымъ листомъ
Долина, долиночка;
Руською ратью засыпавъ то Царь
Краину, краиночку:
Край той широкій Шведська земля
Одъ моря до сини̂хъ ги̂ръ.

*

Тамъ на горѣ, на сторожѣ, въ ночи̂,
Козакъ не дри̂ма, не спить;
Ви̂нъ на чотыри̂ сторонки на всѣ
Пилненько поглядуе;
Съ милою ратьтю-братами, смутный,
Шчось ви̂нъ не розмовуе;
Ни̂ зъ мѣсяченькомъ, шчо въ небѣ, яснымъ,
Своимъ побратимчикомъ.
Мову веде козакъ-ратникъ смутный
Зъ сторонкою ри̂дною,
Зъ дальлю-Вкраиною, де ёго ри̂дъ! . .
Вкраину выпытуе:
— Охъ, ты скажи менѣ, мати, скажи,
Краино ри̂дненькая!
Та чи шче на́-свѣтѣ, шче чи здоровъ
Старенькій мій батенько?
Чи моя жи̂нка тужить по менѣ,
Чи дѣтки живенькі̂ шче? —
Брати̂къ козаченька, вѣтеръ буйный,
Знявсь, засвистѣвъ, загудѣвъ,
Вѣсточку изъ Украины прини̂съ,
И сердце лоскоче вѣсть
Ри̂дною мовою: ой, не тужи!
Ой, не тужи ты, козакъ!

На́-свѣтѣ батько старесенькій твій,
И дѣтки живенькі всѣ;
И молоденькая жінка тебе
Кохае вѣрнесенько.
— Матінко, рідна сторонко моя!
Послуги вслужи менѣ:
Перша послуга — старому отцю:
Поклонъ мій та добра-нічъ!
Друга послуга — то жінцѣ моѣй:
Щире коханьня мое . . .
Третя послуга — то дѣткамъ моимъ:
Благословеньня оддай!

II.

МИЛОГО ЗЪ МИЛОЮ.

То на зорѣ, на свѣтаньнѣ було:
Не росинка капотѣла зъ рожі-квѣту,
А слізоньками дѣвчинонька-квѣтъ

Заросилася, умылася раненько . . .
Тяжко та важко дѣвчина, смутна,
И частенько й глыбоченько все вздыхае,
Зъ милымъ коханкомъ розмовуе такъ:
«Охъ намъ лихо, мій миленькій, охъ намъ лихо!
Насъ розрîзнить вже на-вѣки хотять:
Батько й матîнка тебе шчось не злюбили;
Зъ нелюбомъ йти менѣ въ церкву велять!»
Козакъ вѣрный засмутився, далѣ каже:
«Ой ты, дѣвчино-голубко, не плачъ!
Не ламай рукъ бѣлыхъ, не вздыхай такъ тяжко!
Лучче порадьмося, сердце мое,
Якъ втекти намъ одъ бѣды лихои.
Е вîдсîля далеченько-онъ край;
Тамъ промежъ горами озеро чимале:
Тамъ островокъ и росте, и цвѣте,
Та въ такѣй красѣ, шчо й вымовить не можно!
Темная нîченька вкрые село, —
Пару вороныхъ я заразъ осѣдлаю,
Та и пущуся зъ тобою въ той край,
Далѣ човникъ зробимъ, та-й на островъ дивный!

Не розрûзняе нûколи зûма
Тамъ зъ весною осûнь, й насъ тамъ не розрûзнють!
Житимемъ, вѣкъ доживатемъ вдвохъ . . .»
А дѣвчина козаковû промовляе:
«Де-жъ я, мûй милый, возьму тамъ садокъ,
Якъ покину грядочки, квѣтки червонû,
Батька и матûнку якъ знайти тамъ?
Якъ знайти сестричокъ, дружечокъ миленькихъ?»
«Всюды дѣвчинонько, знайдешъ садокъ:
Бо ростуть-цвѣтуть квѣтки, де ты поглянешъ,
И червонѣють, де вмыешъ лице;
Буде намъ за батенька тамъ ясный мѣсяць,
А за рûдненькую неньку зоря,
Намъ подружечки — усѣ зûрочки . . .
Ты моя, я твûй — до-вѣку.»

III.

СМЕРТЬ ЦАРЯ.

Зи̂рочки погасли въ ночни̂мъ небѣ,
Въ хмарахъ помутився ясный мѣсяць . . .
Ни̂ченько чорная, ни̂ченько смутная!
Ты не вкрывала, не засыпала
Долы и горы сырыми туманами,
Чорною тьмою густи̂ лѣсы;
Руськую землю тяжкою смутою,
Темная ни̂ченько, всю ты засыпала,
Де ти̂льки сердце шче не умерло . . .

* * *

Тамъ при морѣ, морѣ, де теплый край,
Въ славнѣмъ мѣсцѣ та-й у Таганрозѣ
Плаче не ангелъ надъ домомъ Божимъ зпу-
стѣлымъ,
Плаче Цариця надъ Царемъ похолодѣлымъ . . .
Тихо вона плаче . . . при тесовѣмъ смутнѣмъ
ли̂жку . . .
Надъ мертвымъ тѣломъ Царя Богу наймилѣ-
шого,

До усѣхъ людей найласкавѣшого и найдоб-
рѣшого!
И якъ рѣчка тече, вона тихо плаче,
А за нею православнî въ одинъ голосъ
Моремъ, шчо голосить въ бурю, й хвилю
хвилею жене . . .
Море утихне . . . рѣчка не стане, поки не
высохне . . .

IV.

СОНЕТЪ.

ИЗЪ КОЛЛЯРА.

ПЕРЕВЕДЕНО НА РУССКІЙ.

Для житья людскаго горше той мѣны,
Какъ мѣна двухъ половъ, не бывало,
Когда нѣжной, дерзкіе, они стѣны
Свойствъ назначенныхъ не уважали.

Мужа женскаго и мужеской жены
Славными, счастливыми не знали;
Человѣчество въ такихъ своей цѣны,
Мало ль, много ль, но всегда теряло.

Крѣпость силъ—мужамъ для обороны,
Женамъ —чувство, просьба, взоръ покорный;
Сильны мужи духомъ, сердцемъ жёны:

Подвигъ мужа небо долу сводитъ,
Долъ жена возноситъ въ міръ нагорній;
Дружно къ цѣли человѣкъ приходитъ.

ИЗЪ СТАРОЧЕХІИ.

зъ краледворськои рукописи.

I.

БЕНЕСЪ ГЕРМАНОВЪ.

Охъ ты, сонце, охъ ты, сонце, чи ты жа-
лостливе?
Шчо-жъ ты, сонце, на насъ свѣтишъ, на лю-
дей бѣдненькихъ?
Де нашъ Князь, де наше військо, шчо насъ
ратувало?

Князь въ Оттона, військо билось — въ полѣ
полягало!
Идуть Нѣмцѝ, все Саксонцѝ, довгими рядами
Изъ далекихъ онтыхъ сторонъ, шчо промежъ
горами.
«Оддавайте, небожатка, золото й пожитки;
Не дасте намъ, такъ мы зпалимъ вамъ дво-
ры й хатинки!»
Нашѝ хаты попалили, золото забрали,
По дорозѣ въ Троски пійшли, и товаръ пог-
нали.

Годѣ, годѣ журитися вамъ, люди селяне!
Пйдъ копытомъ чужихъ коней вже травка
не вьяне!
Уже вона пйдростае, щиро зеленѣе:
Зъ квѣтокъ вѣнокъ плетѣть тому, хто несе
надѣю!
Все змѣнилося: вже швидко пора бути жниву,
Бо Бенесъ людей зкликае Нѣмцѝвъ супро-
тиву.
Брали, брали для ворогѝвъ и цѣпи, й оселѝ,
Изъ селъ, изъ селъ выходили въ лѣсъ гур-
томъ пйдъ скели;
Попереду усѣхъ Бенесъ конемъ выгравае,

За нимъ вiйсько бѣжить, кричить, якъ море
гукае:
«Пометимъ, побьемъ усѣхъ Нѣмцîвъ, шчобъ
насъ воны знали!
Руйнували, плюндрували и кары не ждали!..»

Сердце въ нихъ розлютувалося, очî заблискали,
И огневыми стрѣлами на Нѣмцîвъ заприскали.
Травка густенькая, нашi списы пiднiмалися;
Лѣсъ на лѣсъ, мы на Саксонцîвъ тыхъ злыхъ
напускалися.
То не блискавки блискáли, нашî шаблî то
блискáли,
То не на небѣ гремѣло, нашî списы то трîщали . . .
Конî якъ затупотѣли, й мы якъ загомонѣли —
Звѣрî далеко, далеко тîкали въ лѣса,
Птицî знялись, полетѣли, геть-геть въ небеса!
Въ горы, за горы, за птицею галасъ летѣвъ:
То разлîтався нашъ крикъ, зъ брязкотнею
шаблîвъ!
Довго тѣ и другî якъ укопанî стояли

На мûцныхъ ногахъ, мовъ ноги въ землю
повростали.
Коли на гору, де сперлися Нѣмцû, якъ Бе-
несъ полине:
Де махне вûнъ шаблею — и кровъ тамъ
хлыне;
Куды Бенесъ гляне — вûйсько за нимъ
гряне . . .
Лихый ворогъ полягае, и якъ трава вьяне!
Тодѣ нашû зъ горъ камûньня наламали,
Нѣмцûвъ камнемъ побивали, добивали, . . .
Шчобъ помûлували, Нѣмцû жалûбно кричали;
Такъ не милували, до останку забивали!

II.

ОЛЕНЬ.

Бѣгавъ олень по горахъ,
По долинахъ, по горахъ,

Въ довгихъ та рясныхъ рогахъ.
Лѣсъ густый вйнъ роздиравъ,
Прудко по̀-лѣсу скакавъ:
Для гущины̀ й для дороги
Въ ёго ряснй̂ й мйцнй̂ роги,
Въ ёго тонкй̂ й гнучкй̂ ноги.

Та на тыхъ же горахъ
Парень ходивъ,
Лукъ и стрѣлы въ рукахъ
Крѣпкихъ носивъ:
Стрѣлами блискавъ,
Въ во́рога прискавъ!

Такъ немае вже ёго:
Лютый ворогъ на ёго
Выскочивъ, молотомъ блиснувъ,
Вдаривъ, до камня притиснувъ . . .
На три части головка розбилася,
Теплою кровью земля напоилася . . .
Застогнало сердечко въ кожнѣй дѣвчинѣ;

Надъ тымъ парнемъ вырôсъ дубочокъ въ долинѣ:
Рясно дубочокъ вѣтки розпускае;
Олень за листямъ до нихъ прибѣгае,
Воронъ изъ лѣсу до нихъ прилôтае:
Олень край дубочка скаче,
На дубочку воронъ краче.

III.

СИРОТИНКА.

Охъ вы лѣсы, темнû лѣсы,
Лѣсы милетинськû!
Чому се вы зелененькû
И зûмою й лѣтомъ? —
Ой, рада-бъ же я не плакать,
Не мутити сердця;
Такъ скажѣте, добрû люди,
Хто-бъ тутъ не заплакавъ? —

Де мій батенько миленькій?
Въ могилу зарыли!
Де добрая моя ненька?
Росте на ѣй травка!
Нй братйка, нй сестрицй;
Розлучили зъ милымъ!

IV.

РОЗА.

ПЕРЕВЕДЕНО НА РУССКІЙ ЯЗЫКЪ.

Ахъ, роза, роза, роза красная!
Къ чему ты рано расцвѣла?
Еще погодушка ненастная,
Твоя злодѣйка, не прошла . . .
Ты расцвѣла, завяла,
Завяла, и опала!

=

Вчера я сиротинушкой
Сидѣла долго — и — ждала . . .

**

Сгорѣла вся лучинушка,
Запѣлъ пѣтухъ: я не спала . . .
Вздремнула я: сонъ смутный
Прервалъ, прогналъ покой минутный!

═

Какъ я вздремнула, снилося,
Что камушекъ палъ изъ кольца,
Кольцо съ перста скатилося . . .
И было жаль мнѣ, жаль кольца,
Кольца того любимаго . . .
Искала долго — не нашлося!
Ахъ, долго я и милаго
Ждала, ждала — не дождалася!

ИЗЪ СЛОВАЦІИ.

ПѢСНИ СЛОВАЦЬКИ.

Изъ Зборникивъ, выданныхъ на свѣтъ працею въ Празѣ Коллара и Срезневськаго въ Харьковѣ.

НОСВЯЩАЕТСЯ И. И. СРЕЗНЕВСКОМУ.

I.

«Долино, долино,
Глыбока долино!
Чи по тобѣ чутка
Дійшла до дѣвчины?

«Яка-жъ тая, милый,
Яка чутка тая?
Може вже у тебе
Коханка другая?»

═

«Нû, нû! милѣшои
Одъ тебе не знаю;
Одно менѣ тяжко:
Тебе покидаю!»

═

Выйшовъ вûнъ за двери,
Слёзы капать стали;
Капали на камûнь,
Камûнь пробивали.

═

Выйшовъ вûнъ за дверû,
Очû утûрае:
«Нехай тебе, мила,
Богъ не зоставляе!

═

Хай и тебе, мамо,
Богъ не зоставляе!
Мое-жъ сердце счастя
Нехай забувае!

II.

Горо, горо
Горо дубова!
Ой, хто тебе рубатиме,
Якъ на конѣ скакатиму?
Горо, горо,
Горо дубова!

═

Лучко, лучко,
Лучко зелена!
Ой, хто тебе коситиме,
Якъ шаблею брязчатиму!
Лучко, лучко,
Лучко зелена!

═

Дѣвко, дѣвко,
Дѣвко-коханко!
Ой, хто тебе кохатиме,
Якъ я въ землѣ лежатиму?
Дѣвко, дѣвко,
Дѣвко-коханко!

III.

Беля церкви мостикъ
Гень-гень мрѣе,
А по ёму травка
Зеленѣе;
Травка та зелена
Не кошена . . .
Черезъ мостикъ мила
Одвезена!
Хто ї̂и вид̂возивъ,
Хай̆ кохае;
Тил̂ьк̂и въ моихъ очяхѣ
Не бни̂мае . . .
Колижъ обни̂мае
То хай̆ въ ночи̂,
Та шчобъ не болѣли
Мои очи̂.

IV.

Гой̆, гой̆, гой̆!
Ки̂нь мі̂й̆ вороный̆
Вже не мі̂й̆, вже не мі̂й̆!

Гой, гой, гой!
Старый гайдамака
Ёго взявъ, ёго взявъ!

=

Гой, гой, гой!
И дѣвчину мою
Гайдамака узявъ!

=

Гой, гой, гой!
Я до-дому прійшовъ,
А дѣвчины нема!

=

Гой, гой, гой!
Вже дѣвчина моя
Зъ гайдамакою спить!

=

Гой, гой, гой!
Я шаблюку знайшовъ,
Та зъ шаблюкою въ лѣсъ!

=

Гой, гой, гой!
Я у лѣсѣ знайшовъ
Розбишаку свого!

=

Гой, гой, гой!
Я дѣвчину однявъ,
Гайдамаку убивъ!

V.

Йшовъ весною я по-полю,
Зеленѣмъ гаечку;
Пострѣчався зъ дѣвчиною
Въ зеленѣмъ вѣночку.
Мы вкупочцѣ розмовляли
До бѣлого ранку;
Якъ свѣтати починало,
Кинувъ я коханку.
Йшовъ я селомъ край хаточки,
Вона закликае:
«Иди до мене, мій миленькій!»
Двери̂ вид̂чиняе.
Я сказавъ ѣй, шчо мене кин̂ь
Уже дожидае;
Вона-жъ менѣ ни̂ словечка,
Слёзы утѝрае.

VI.

Доню мала вбога мати;
Не мала чимъ зодягати,
И чимъ ïи прокормити:
Треба въ наймы вйдпустити.
«Мамо, мамо, моя мамо!
Не давай мене до пана;
Менѣ сумно въ панськихъ хатахъ:
Тамъ усёго такъ багато . . .
Будуть мною помыкати,
Стануть зъ мене глузувати;
Всякій сйпа, пхае, лае:
Нйхто сорому не знае!»

═

Выйшовъ рйкъ, шче-й половина . . .
Въ Катерины вже дитина!
Йде вона доить корову,
Веде зъ нею паничъ мову:
— Грицю! въ мене вже дитина;
На кого я грѣхъ прикину?
— Нй на кого на другого,
Якъ на мене молодого!

═

Того Грицья стара мати
Якъ пытати, такъ пытати:
— Скажи правду, Катерино,
Вйдъ кого въ тебе дитина?
— Нй вйдъ кого вйдъ другого,
Якъ одъ Грицья молодого.

═

Зъ войны Грицикъ поспѣшае,
Всѣхъ панйвъ попережае;
Въ усѣхъ конй грають, скачуть,
Тйльки въ Грицья чогось плачуть...
«Хлопцй, гей! мене не гайте,
Разомъ браму вйдчиняйте
На обидвѣ половины,
Шчобъ побачить Катерину!»
«Катерины нема въ дворѣ,
Закопана въ сырѣмъ полѣ.»
Вйнъ скйкъ зъ коня! хапае нйжъ,
Хапа й другій, та и побѣгъ,
Шчо е силы, до могилы...
«Однимъ выкопаю яму близенько,
Встромлю другій въ свое серденько:
Хай ляже тѣло поручъ другого;
Душй-жъ обидвѣ въ Господа Бога!»

VII.

На высокѣй горѣ
Горять яснî огнѝ.
Шчо за люди сидять
Край огнѝвъ, шчо горять?
Край огнѝвъ тыхъ сидять
Пьятдесятъ розбишакъ.
А одинъ изъ нихъ старый:
Дуже вѝнъ посѣченый.
«Менѣ зъ вами не жити!
Мою шаблю возьмѣте:
На двое расколѣте;
Острымъ кѝнцемъ голову зотнѣте,
Тупымъ кѝнцемъ землю копайте,
Могилу менѣ вырывайте,
Мене старого поховайте.»

VIII.

Король войну замышляе,
Жѝнки, дѣвки зоставляе,
Самыхъ хлопцѝвъ забѝрае.
Одинъ старымъ ся зказавъ,

Къ тому й сынôвъ вôнъ не мавъ;
Тôльки мавъ вôнъ три дочки,
Три гарныхъ голубочки.
«Найстаршая моя доне,
Йди на войну за мене!
Пане-тату! не пôду:
Я воювать не буду.»
«Пôдстаршая моя доне,
Йди на войну за мене!»
«Пане-тату! не пôду:
Я воювать не буду.»
Найменшая Марьечка
Мовить ёму словечко:
«Не турбуйся, пане-тату,
Ось я пôду воювати!
Купи коня вороного,
И сѣделце на ёго;
Сталёвую шаблечку,
И пôстолôвъ парочку.
«Охъ, доню моя милая!
Чи ты знаешъ? война злая!
Зъ-за другихъ не выдавайся,
Въ строю зоставайся . . .»
Якъ на войну знаряжали,

Сестрицѣ ю оплакали;
Якъ на коника сѣдала,
Батько й ненька оплакали . . .
А вона на те не дбала:
Изъ строю ся порывала,
Въ таборъ вражій ся вдавала.
Король тому ся дививъ,
И вояка похваливъ:
«Отто воякъ страшный, дивный,
Та шче къ тому й уродливый!
Якъ-бы такая дѣвчина,
Була-бъ менѣ женишина!»
«Королю! дѣвчина я:
Держись слова, я твоя!»

IX.

О Т Р У И.

— Де ты була, моя Ганночко?—
На весѣльлѣ, моя ненечко.

— Шчо давали тобѣ ѣсточки,
Моя доню, моя Ганночко? —
Непосоленѝ три рыбочки . . .
Горе менѣ, моя ненечко,
Лишечко, болить головочка!
— Шчо давали тобѣ питочки,
Моя доню, моя Ганночко? —
Винце, винце, моя ненечко . . .
Горить лице, болить сердечко!
— Де полегша тобѣ, донечко,
Моѣй донѣ, моя дѣвчинѣ? —
Въ церквѣ, въ церквѣ, посерединѣ!
— Шчо послати тобѣ, донечко? —
Стели бѣлую сорочечку,
Та сосновую шче дошчечку.
— Чимъ укрыться тобѣ, донечко? —
Клади, мамо, свою донечку,
А пѝдъ нею и надъ нею дошчечку!

ИЗЪ СЕРБІИ.

ПѢСНИ.

I.

Кидавъ свѣтъ Конда, текли слёзы въ матки;
Вмеръ, поховали ёго коло хатки!
Конду поховали въ зеленѣмъ садочку,
Пи̂дъ померанцемъ, въ темнѣмъ холодочку.
Мати шчо-ранку на могилѣ плаче,
Чуе шчо-ранку: и въ могилѣ стогне . . .
«Чи тобѣ, сыночку, тяжко въ могилѣ,
Чи твои кости дошки придавили?»
Голосъ зъ могилы: «Мати моя мила!
Не важка дошка, не тяжка могила;
Та якъ коханка слёзу проливае,
Слёза та въ могилу мою западае;
Якъ вона горе свое проклинае,
Кости ворушить, покі̂й мі̂й взрушае!»

II.

Пи̂дъ горою криниченька;
Тамъ вмывалась дѣвчинонька,

Вмывалася, говорила:
Лице мое лебедине!
Якъ-бы можно менѣ знати,
Шчо прійдеся цѣлувати
Мое личенько старому;
Пйшла-бъ по-полю пустому,
Полынь рвала-бъ та давила,
Полынемъ шчо-дня ся мыла:
Тйльки-бъ вйнъ поцѣлувався,
Полынемъ бы одйзвався
Ёму поцѣлунокъ кожный!
Коли-бъ-же я вйдгадала,
Шчо молодый кохатиме,
Въ бѣле лице цѣлуватиме;
Квѣточокъ бы назбйрала,
Изъ нихъ сокъ повыдавляла
Пахученькій, солоденькій,
Свое личко-бъ ймъ вмывала:
Якъ прійшовъ бы молоденькій
Та зо мною цѣлувався,
Ёму-бъ медомъ одзывався,
Медомъ поцѣлунокъ кожный!

III.

ТРИ ТУГИ.

Соловейко, мала̀ пташка, всѣхъ розвеселяла,
Ти̂льки менѣ молодому три туги придбала:
Туга першая для мене, для серденька мого —
Не женила мене ненька рано молодого;
Туга другая для мене, для серденька мого,
Шчо не грае вороненькі̂й коникъ пи̂до мною;
Туга третяя для мене, для мого серденька —
Прогнѣвалася на мене дружина миленька!
Выкопайте менѣ въ полѣ широкую яму,
На два списы широкую, а вдовжъ на чотыри̂;
Въ головонькахъ червоную рожу посадѣте,
А въ ни̂женькахъ водиченьки поти̂къ проведѣте:
Може прїйдуть молоденьки̂ рожею квѣчаться,
Може прїйде хто зъ староньких водици̂ напитьсѧ.

IV.

ПРИПОМИНАНЬЕ.

ПЕРЕВЕДЕНО НА РУССКІЙ.

Аль, душа, ты рѣчь свою забыла?
На груди моей ты слёзы лила̀,
Слёзы лила̀, сквозь плачъ говорила:
«Богъ побей, по мнѣ, и ту подружку,
Коли вѣру иметъ она моло̀дцу!
Какъ на ясномъ небѣ ясно вѐдро,
Ясно вѐдро на часочикъ, тамъ и тучи;
Такъ и вѣрность въ сердцѣ у моло̀дца!
Пока любитъ: я, душа, тебя̀ возьму!
Не взлюбилъ: пожди, душа, до осѐни!
Пришла осень, настаетъ и зимушка;
Говоритъ онъ ужъ съ другой подружкою!»

ИЗЪ ПОЛЬЩЍ.

I.

МОРЛАКЪ ВЪ ВЕНЕЦІ̂И.

Якъ остатня копі̂йка вже въ мене загинула,
Мене заразъ невѣрна дружина покинула;
Волохъ же прі̂йшовъ та-й каже,
Шчо ві̂нъ добре, добре зна вже,
Въ якѣмъ мѣстѣ дадуть пити,
Ѣсти, й̂ хороше ходити . . .
Та и грошей, каже, не платитимемо;
Наберемъ шче-й̂ грошей, не лѣчитимемо . . .

«Якъ облитый у золотѣ, въ срîблѣ ходитимешъ;
Шчо захочешъ робить, тîльки те и робитимешъ;
Тамъ напитку, тамъ-то корму!
Наберемъ шче и до дому!
Срîбломъ, золотомъ блищатимемо,
Шаблею ясненькою бряжчатимемо!

=

Якъ завернешъ въ село, выйдешъ ты за ворîтечка,
То й одсуне кватирочку кожна дѣвчиночка;
Якъ затянешъ пѣсню влѣтку,
Кине кожна тобѣ квѣтку!
Швидко, шпарко, бо якъ ждатимемо,
Довго мѣсця въ мѣстѣ тѣмъ шукатимемо.»

=

Я повѣривъ, дурный! та и кинувъ родиноньку,
Та-й зайшовъ на чужину въ лихую годиноньку!
Тяжкую несу покуту,
Зъ хлѣбомъ ѣмъ шчо-дня отруту:

Чи до-вѣку изморятимуся,
Якъ песъ на ланьцюзѣ зоставатимуся?

═

Кажу дѣвчинѣ про мою бѣдну головоньку, —
Изгнущаеться дѣвчина зъ нашои мовоньки;
Люди зъ нашого тутъ краю
Стали инш͏ого звычаю!
Якъ былинка, не прїйматимуся, —
Я въ чужинѣ вѣтромъ розмѣтатимуся!

═

Рйдна мати, крайно, крайночко! . .
Де поглянешъ — прїятель, поглянешъ — дружиночка . . .
Рйдни̂, рйдная и мова!
Доброго нема-жъ тутъ слова:
Не спочивай и не гайся,
Ласки-жъ и не сподѣвайся!
Я якъ травка, шчо росла де травы,
Та-й занесла ïй буря на-глыбъ ставу!

II.

ДОРОГА.

изъ вѣтвицкого.

Дальше въ свѣтъ — шукать науки!
Годѣ млѣть, зложивши руки!
Чужій розумъ намъ пйдмога:
Въ свѣтъ-дорогу, въ свѣтъ-дорогу!
Де вѣкуе снѣгъ на крызѣ,
Да земля въ зеленѣй ризѣ,
Де безъ хмаръ все сонце жарить,
Де щчоденно дожчъ та хмарить,
На моря, на горы зъ стали,
На-свѣтъ, на-свѣтъ, — далѣ, далѣ!

=

Зъ гиръ на горы, вышче, вышче!
Де закутавъ ихъ снѣгъ бѣлый . . .
И до сонця близче, близче!
Якъ орелъ крыластый, смѣлый . . .
Тамъ на вѣтрѣ въ хмарахъ стану,
Тамъ ясни зйрки достану . . .
И рукою, и ногою

Въ хмару вдарю, дожчикъ пролью
Надъ землею, надъ пашнею . . .
И безъ лиха, и безъ страху
Полыну я по тѣмъ шляху:
Срѝбло въ мѣсяця возьму я,
Зъ сонця золото знѝму я!

III.

ЧОРНОБРѝВКА.

ИЗЪ СУХОДОЛЬСКАГО.

Посерединѣ дороги
Козакъ зустрѣвъ дѣвчину.
«Козаченьку! болять ноги:
Возьми мене за спину.»
«Моя мила дѣвчинонько!
Коникъ мій брыкае.»
«Я возьмусь за козаченька:
Бѣлѝ руки маю»

«А якъ война? а вороги
И страшнй, и грйзнй.»
«Ворогъ? о! нй, мїй дорогїй?
Вйнъ насъ не розризни.»
Якъ схилявся козачина,
Шабелька брязчала;
Не лякалася дѣвчи̇на,
На коня сѣдала.
Скачуть, скачуть по долинѣ
Кохапка, коханый;
Грае, несучи дѣвчи̇ну,
Коничокъ буланый.
Вже минали и пригорокъ
Коханый, кохапка . . .
А въ козака лихїй Турокъ
Пукъ изъ-за курганка!
Козакъ долѣ . . . шабля брязчить . . .
Кйнь по̀-полю скаче . . .
На коневй Турокъ летить,
Дѣвчиненька плаче.

IV.

ПОХОДЪ.

ИЗЪ ОДЫНЦА.

ПЕРЕВЕДЕНО НА РУССКІЙ.

Мёдъ въ Литвѣ сегодня пьемъ,
Завтра на войну идемъ
 Въ Венгерскую землю.
Винъ тамъ, что въ рѣкахъ воды,
Что въ Литвѣ лѣсовъ, сады,
 Яблоки какъ злато.
Въ той Венгерской сторонѣ
Что построимъ мы себѣ?
Тамъ себѣ дворецъ сольемъ;
Вмѣсто оконъ мы вобьемъ
 Въ немъ для свѣту звѣзды.
А коли въ Литву придемъ
Изъ Венгерскихъ тѣхъ сторонъ?
Какъ взойдетъ на камнѣ лёнъ,
Зацвѣтутъ снѣга кругомъ,
 Повысохнетъ море.

ЛУНА

ШЧЕ ИЗЪ

НѢМЕЦІИ.

Ai zde ležj zem ta, před okem mým
selzy ronjcjm.
Někdy kolébka, nynj národu meho
rakew . . .
Krásnohlasý zmužilých Slowanou
kdise někdy ozjwal,
Au oněmělt už, byw k urazu zášti
gazyk . . .

KOLLAR.

I.

ПРІЯЗНІЙ ДУШІЙ.

ИЗЪ МАТТИССОНА.

Мохъ порîсъ, о други, на могилахъ вашихъ:
Якъ-же повный мѣсячѐнько свѣтить,
Кожного изъ васъ душа порхàе
Надо мною тихенько.

=

Тѣ изъ васъ пріязни квѣтомъ посыпали
Стежку мою въ мірѣ, грѣли сердце;
Тѣ голодный розумъ годували
Словомъ сытнымъ, розумнымъ.

=

Може, бувъ бы зъ мого човна попасъ хвилѣ,
И триски вîдъ скелî полетѣли-бъ,
Якъ-бы въ бурю пріязнîи душî
Не порхàли край мене.

II.

ДОБРАНЙЧЪ.

ИЗЪ КЕРНЕРА.

Добранйчъ!
Хто зтомився, тымъ ся рѣчъ!
Тихо день вже догаряе,
Косарь руки опускае,
Опускае на всю нйчъ.
Добранйчъ!

=

Пора спать!
Сонний очй заплющать!
Ластйвка вже спить на стрѣсѣ;
По улицяхъ тихше, тихше;
Либонь хоче нйчъ сказать:
Пора спать!

=

Добранйчъ!
Спѣть безъ страху поки нйчъ,
Поки принесе свѣтаньня

И роботу, й сумуваньня;
Богъ не спить, ёго вамъ рѣчъ:
Добраничъ!

III.

БУЛО.

ИЗЪ АНАСТАСІЯ ГРЮНА.

Вуло насъ не трохи
На синёму морѣ:
Все люди веселі,
Одинъ тільки въ горѣ.

=

До-купочки вѣтеръ
Попутный насъ звѣявъ;
Якъ тільки-бъ змѣнився,
Насъ впьять бы розвѣявъ.

=

И рідную землю
Выхвалювавъ кожный;

Мовлявъ, найти лучче
На свѣтѣ не можна.

═

Хвалили озера,
И рѣки, и море,
Крутй, снѣговіи
Та синіи горы.

═

Степы похваляли,
Лѣсы, луговины . . .
Одинъ сидѣвъ смирно,
Та плакавъ зъ кручины.

═

«Не кожный зъ насъ мае
Коханку-дѣвчйну;
Нема чоловѣка,
Шчобъ не мавъ родины! . .

═

Хай буде здорова!
За неи пить, братця!
По повнѣй же, вмова,
По повнѣй пить чарцй!»

═

Якъ гукнули разомъ:
«Здоровья родины!»
Не пивъ тȋльки той зъ нихъ,
Шчо плакавъ зъ кручины.

═

Не пивъ, и всю чарку
Вȋнъ выливъ на море, —
И брызнули слёзы,
Й насупився зъ горя.

═

«Була ты Царицꙗ
Поморья и моря;
Чи ты потонула? . .»
Й заплакавъ вȋнъ зъ горя.

Се про Венецȋю писано. Була вона колись межъ царствами и межъ панствами найславнѣйша: надъ моремъ панувала, и надъ землею царювала; такъ далѣ-жъ, бачъ, ни̂ найгіршчо звелася.

IV.

ХЛОПЧИКЪ-ПАСТУШОКЪ.

ИЗЪ УЛАНДА.

По-надъ лугомъ — рѣчкою зеленая гора,
Зъ горы церква зтиха позирае;
Хлопчикъ-пастушокъ въ сопѣлочку у рѣчки гра,
Й веселесенько спѣвае.

=

Коли-се зъ дзвȋнницȋ бовъ-дзелень и тень-телень!
Либонь дякъ спѣвае смутно . . .
Хлопчикъ вставъ, замовкъ, та-й слуха: дзвȋнъ все дзень-дзелень!
А въ очицяхъ ёму мутно . . .

=

Кого не забаромъ вкрые Божая трава,
Й той спѣвавъ колись у рѣчки . . .
Колись дзвȋнъ теленькне, и по насъ дякъ заспѣва,
Хлопчикъ, хлопчикъ невеличкій!

V.

НАВѢЩЕНЬНЯ ЗЪ МОГИЛЫ.

ИЗЪ ЭЛЕНШЛЕГЕРА.

Панъ посватався, и взявъ дѣвчи̇ну,
И прииживъ вйнъ зъ нею три дитины.

И три роки вона панувала,
На четвертый ѥи поховали.

Панъ поплакавъ по своѥй коханцѣ,
Далѣ й оженився на паняицѣ.

Нехорошу выбравъ вйнъ паняику:
Малй дѣтки плакали шчо-ранку.

Вона одъ нихъ чоломъ не прiймала;
Сиритокъ ногою вйдпихала.

Якъ плакали вони питки, ѣстки, —
Говорила: пропадѣть вы, дѣтки!

Взяла у нихъ подушку бѣленьку;
Положила соломку гниленьку.

Взяла вона свѣчку изъ кîмнатки;
Лягли дѣтки въ темнѣй хатѣ спатки.

Лякалися, плакали, не спали,
Слûзоньками неньку выкликали.

Чуе ненька, дѣтки жалûбненько
Плачуть, кличуть: де ты, де ты, неньк!

И до Бога душечка летѣла:
«Пусти, Боже, до дѣтокъ зъ могилы!»

«Лети, мати! тûльки не барися:
Кукурûкне, въ могилу вернися.»

Зозуленька пûзно прилѣтае,
Кватирочку въ пана одсувае.

Входить мати до дѣтокъ въ кîмнатку:
«Чого лягли на соломцѣ спатки?»

— Забрала въ насъ подушечки панû! —
«Чомъ свѣчечка не горить въ лихтарнѣ?»

— Взяла панû й свѣчечку зъ лихтарнû!
Мамо, мамо! насъ не любить панû!

Мамо, мамо! дай намъ ѣстки, питки!
Не кидай насъ! бо мы твои дѣтки! —

Вона тихо ключû въ сонныхъ брала,
Сорочечки зъ скрынû повыймала.

Дѣточки нагодувала, вмыла,
И въ бѣленькû сорочки одѣла.

Далѣ соннымъ ключû оддавала;
Сумна, страшна до ихъ промовляла:

«Зоставила я засѣки повнû;
За шчо-жъ мои дѣточки голоднû?

Я придбала пряжû повнû скрынû;
За шчо жъ дѣткамъ спати на гнилинѣ?

У коморахъ воскові кружала;
Чи-то й лою на свѣчку не стало?

Якъ кликнуть шче разъ мене небогу
Мои дѣтки, — пiдемо въ дорогу.

На судъ вкупѣ пiдемо до Бога —
Вы, дѣткѝ мои и я небога.

Якъ заплачуть дѣточки голодні, —
Ляжете вы на столѣ холодні.

Якъ безъ свѣтла нiчъ дѣтки злякае, —
На трунѣ въ васъ свѣчка запалае.

Якъ заплачуть вони на гнилинѣ, —
Спатимете въ гнилѣй домовинѣ.»

Якъ сказала — и пропала! Мова-жъ излякала
Панею и пана;
Вони дѣтки голубили, годували, мыли
Шчо-дня, пiзно й рано.

VI.

ПѢСНЯ САДОВНИЧОГО.

ИЗЪ УЛАНДА.

Охъ, червонû квѣтки!
Утŷкайте въ лѣски!
Не давайтеся рвать,
И въ вѣнокъ заплûтать
Васъ для Царûвны-голубки . . .

═

Хочъ якъ макъ червонѣвъ,
А я швидко зжовтѣвъ . . .
Охъ, червонû квѣтки!
Тѣ невѣчнû вѣнки!
Въ сердцѣ туга довговѣчна . . .

ПРИЛОЖЕНІЯ

ОТЪ

ИЗДАТЕЛЯ.

1.

ОБЪЯСНЕНІЕ ПРОИЗНОШЕНІЯ,

по принятому въ «Думкахъ и Пѣсняхъ» правописанію.

ГЛАВНОЕ ОСНОВАНІЕ ПРАВОПИСАНІЯ.

Буквы: *ы, и, і, ѣ* остаются въ тѣхъ самыхъ случаяхъ, гдѣ употребляются въ словахъ языковъ Словеноцерковнаго и Великорусскаго; если какая-либо буква переходитъ въ острое *и* (ji), то употребляется *й* или *ї*; если буква *е* пепереходитъ въ *йо* (jo), то употребляется

ё, если же другая буква, то *іо*; прочія буквы пишутся такъ, какъ произносятся.

ВЫГОВОРЪ.

Вовсе иначе отъ Великорусскаго выговора произносятся: изъ гласныхъ — *и*, *е*, *ѣ*; изъ согласныхъ — *г*, *ф*, а именно:

Южно-русское		Велико-русское	Латинско-польское
И (послѣ согласной)	какъ	Ы	y
И (въ началѣ слова)	—	И	i
И (послѣ гласной)	—	ЙИ	ji
Й̂ Ѣ)	—	И	i
Й̂ Ѣ) (въ началѣ слова)	—	ЙИ	ji
Е (въ началѣ слова и послѣ гласной)	—	Ѣ	je
Е (послѣ согласной)	—	Э	e
Г	—	$\frac{Г+Х}{2}$	h
Ф	—	ХВ	chv

О прочихъ буквахъ же надобно замѣтить, что онѣ всегда выговариваются, какъ пишутся, такъ напр. *в* никогда не выговаривается за *ф*, *о* за *а* и т. п.

ПРИМѢЧАНІЕ 1.

Размѣръ въ однихъ думкахъ и пѣсняхъ — народный, въ другихъ — чисто-тоническій, въ нѣкоторыхъ — тоническій-смѣшанный.

ПРИМѢЧАНІЕ 2.

Въ приложенныхъ подлинникахъ Чешскихъ, Старочешскихъ, Сербскихъ и Польскихъ стихотвореній произносятся по Великорусски буквы *и* и *ѣ* (какъ ji и je), — по Южнорусски буквы *е* и *г* (какъ е и h); g всегда твердо какъ Великорусское г; n вполовину какъ носовое Французское.

II.

ВОСЕМЬ

чешскихъ, старочешскихъ, сербскихъ и польскихъ стихотвореній, переведенныхъ А. Могилою.

ЧЕШСКІЯ.

1.

СМРТЬ АЛЕКСАНДРА.

Потухли гвѣзды на ночнӥмъ небӥ,
Похмуржила се и ясна̀ луна,
О ноци, ноци, черна́ ноци!
Тыс не сыпала, черна̀ ноци,
З перутӥ мраки по шѣрых полӥх,
Анӥ густѐ тмы до пустых лѣсов.
А тыс сыпала, черна ноци,
Тѣжкй за̀мутек по нашӥх краих,
До Руских срдцӥ горже великѐ!

Ахъ, на ю̂жнӥ странѣ блӥзко морже,
Блӥзко того морже Азовске́го,
А тож ве мѣстѣ Таганрогу,
Не пла̀че андѣл над спустлы̀м хра̀мем,
А ма̀ть-Царице Елисавета
У тӥсовѐго смутнѐго лужка
Слзы пролѐва̀ над мртвы̀м тѣлем
Цара добрѐго, богумилѐго,
Александра отце ласкавего.
Она пла̀че—пла̀чемъ тихѐ ржекы,
А за нӥ Рускы̀, православны̀ народ
Збоуржены̀х моржӥ влнобитӥм пла̀че;
Морже знад се утишӥ—ржека не устане.

2.

СОНЕТЪ.

В живобытӥ лидске́м жа̀дна̀ смѣна
Горшӥ ненӥ яко в поглавӥ,
Кдыж се она оутла̀ розправӥ
Поваг в нѣм а характероу стѣна;

=

Женскы̀ муж се так як мужска̀ жена
Чти а штѣстй свѐго позбавй;
Того там се ма̀лем зобавй,
Тѐто многем чловеченствй цена.

═

Мужи воуле, чин а смѣлост служи,
Женѣ просба, цит а млченй;
Тен будь вйце духем, тато душй:

═

Муж ать та̀гне небе к цностем долу,
Жена земи в згоуру к блаженй;
Ен так прйиндов кра̀снѣ к цыли сполу.

СТАРОЧЕШСКІЯ.

I.

ОПУСТЕНА.

Ах ви леси, тмави леси,
Леси Милетинсти!
Чѣму ви сѣ зеленате

Въ зимѣ, летѣ ровно? —
Рада бих я ж не плакала,
Не мутила срдце;
А рщѣкнѣте, добрши людѣ,
Кто би не плакал здѣ? —
Кдѣ мой отчик, отчик мили?
Загршѣбенъ в ровеце!
Кдѣ моя мати, добра мати?
Травка на ней росте!
Ними братра, ними сестри;
Юношу ми взеху!

2.

Р О З Е.

Ахъ ти, розе, красна розе!
Чѣмъ си рано розкветла?
Розкветавши, помрзла;
Помрзавши, усвѣдла;
Усвѣдевши, опадла!

═

**

Вечѣр сѣдѣх, длуго сѣдѣх,
До куропѣнѣ сѣдѣх . . .
Нѣ дождати не можех!
Всѣ дршѣзги, лучки сежех!
Уснух, снѣсе мѣ се ве снѣ,
Яко би мнѣ небожце
На првей руце прста
Свлексѣ злати прстенек,
Смелксѣ драги каменек:
Каменек не надійдех,
Змилитка сѣ не дождех!

СЕРБСКІЯ.

1.

ТРИ НАЙВѢТѢ ТУГЕ.

Славуй птица мала сваком покой дала,
А мени юнаку три туга задала:
Прва ми е туга на срдашцу моме,
Што ме ние майка оженила млада;
Друга ми е туга на срдашцу моме,

Што мой вранац коньц пода мном не игра;
Третя ми е тута, ах! на срдцу моме,
Што се моя драга на ме расрдила.
Копайте ми раку у полю широку,
Два копля широку, четири дугачку;
Више мое главе ружу усадите,
Сниже мои ногу воду изведите:
Кое младо протѣ, нек се ружом кити,
Кое л' старо протѣ, нека жетю гаси.

2.

ОПОМИНЯНѢ.

Знаш ли, душо, кад си моя била,
На мом крилу грозне сузе лила,
Сузе лила, кроз плач говорила:
«Бог убио ону сваку другу!
Коя држи вѣру у юнаку;
Као што е оно ведро небо,
Часомъ ведро, а часом облачно,

Онака е вѣра у юнака:
Док те люби: узетю те, душо;
Кад облюби: чекай до ѣсени.
Ѣсень протѣ и зима настане,
А он с' онда с другом разговара.»

ПОЛЬСКІЯ.

1.

ЧАРНОБРЕВА.

Гулан едзѣ — и сьруд дроgи
Станепла коханка;
— Ах муй Ясю! больоп ноgи,
Везь мѣп на каштанка!
— Дроgа Галько! мусяш вѣдзѣць,
Же каштанек брыка.
— Нѣхай брыка, былѣ сѣдзѣць
Около хлопчика.
— Алѣ война! часем вроgи
Здрадзѣцко выстржельоп.

— Нѣх стршеляйоп, Ясю дроgи!
А нас не роздѣльоп.
Ясь сѣп схылил — шабля бржепкла,
Бурчи хоропgѣвка,
И на коня, нѣ улѣпкла,
Сядла чарнобревка.
Ядоп, ядоп пржез долины
Кохапы, кохана:
Оп у лопа свей дзѣвчины,
Она у гулана.
Лѣч gды миноп стромы взgурек
Кохапы, кохана,
З поза взgурка стршелил Турек
И забил гулана.
Ясь упада — шабля бржепчи,
Бурчи хоропgѣвка,
На турецким коню ѣпчы
Наша чарнобревка!

II.

ВЫПРАВА.

Дзись Литевски мьод пíемы,
Ютро на войнеп пу̀йдзѣмы,
В Венгѣрскѣ крае.
Там вина як у нас воды,
Злоте яблка и ягоды,
Сады як гае.
— Но, и цо̀-ж тамъ зробѣмы
В тей Венгѣрскѣй зѣми?
— Зе злота място выставим,
За окѣнка гвязды вправим,
Тем сѣп забавим.
— Но, а кѣды-ж вру̀цѣмы
З тей Венгѣрскѣй зѣми?
— Як на скалах зродзи збоже,
Як на сьнѣгу зейдоп ро̀же,
Як высхнѣ морже.

III.

ОБЪЯСНЕНІЕ

Непонятныхъ для Великороссіянъ Южно-русскихъ словъ и выраженій.

А.

Або=*или.*

Ажъ=*даже.*

Б.

Багато=*много.*

Бажать=*сильно желать.*

Байдуже=*нѣтъ нужды!*

Бариться=*медлить, мешкать.*

Бачить=*видѣть.*

Бджола=пчела.

Блискавка=*молнія.*

Блукать = *блуждать, скитаться.*

Бо = *ибо, потому что.*

Бованѣть = *болванѣть; говор. о неподвижномъ едва усматриваемомъ предметѣ.*

Брехня=*ложь.*

Брязкотня — *звукъ мѣлкихъ металлическихъ или стекляныхъ вещей.*

В.

Важко=*тяжко, тяжело;* тяжко, важко=*очень тяжко.*

Великдень = *праздникъ Пасхи.*

Вернўть = *возвратить, отдать.*

Вертåться = *возвращаться.*

Весîльля=*сватьба.*

Вѐштаться = *часто ходить то взадъ, то впередъ.*

Вîдъ=*отъ.*

Вîдтîлѧ=*оттуда.*

Вîдчинѝть = *оттворить.*

Вîжки=*вожжи.*

Вже=*уже.*

Взхîдъ = *восходъ, востокъ.*

Вкўпѣ=*вмѣстѣ.*

Влѣтку=*лѣтомъ.*

Вохкѝй=*влажный.*

Вȍрогъ=врагъ.

Впåмьятку менѣ = *мнѣ помнится.*

Впѐршу = *вначалѣ; въ первый разъ.*

Врåжій сынъ, вражî дѣти — *бранчиво-шуточное выраженіе.*

Врåнцѣ=*поутру.*

Встромîться = *вонзиться.*

Втихомирить=*усмирить, утишить.*

Вхопѝть = *схватить.*

Вы̀зволить = *освободить.*

Вырынåть = *вынырять.*

Высмыкåть = *выдергивать.*

Вѣтрѐць=*вѣтерокъ.*

Г.

Гадю̀ка = *гадина, змѣя.*

Гай=*роща.*

Га́ласъ = *шумъ и смятеніе.*

Га́ять = *задерживать.*

Гень-гѐнь = *тамъ-тамъ, вонъ-тамъ!*

Геть=*прочь!*

Геть-гѐть = *далеко, далеко!*

Го̀дѣ = *полно, довольно!*

Голи̂нный=*удалой, бравый, способный.*

Голосны́й=*голосистый, громкій.*

Го̀ми̂нъ =*говоръ.*

Гомонѣ̀ть—*говор. о звукѣ при громкихъ разговорахъ.*

Глумува̀ть = *издѣваться, насмѣхаться.*

Глы́бъ=*глубь, глубина.*

Гробови́ще = *кладбище.*

Грома̀да=*общество, народное собраніе.*

Гро́ши̂=*деньги.*

Грякотѣ̀ть = *гремѣть.*

Гуготѣ̀ть — *говор. о звукѣ огня при сильномъ пожарѣ.*

Гукъ=*кликъ сильный и напряженный.*

Ука̀ть = *громко кликать.*

Д.

Да́рма̀ = *вотще, напрасно.*

Дбàть = *приготовлять, пріобрѣтать, думать.*

Дè = *гдѣ.*

Дè-хто = *кое-кто.*

Дзвûнъ = *колоколъ, звонъ колокола.*

Дзвûнниця = *колокольня.*

Дзизчàть — *говор. о звукѣ пчелъ, стрѣлъ летящихъ и т. п.*

Дитùна = *дитя.*

Добрàнûчъ = *прощай! спокойной ночи!*

Добрыдень = *здравствуй! день добрый!*

Довóлû = *довольно, вволю.*

Докỳпы = *вь-мѣсто.*

Дòлû = *на полу, на землѣ.*

Дòля = *счастье, судьба (фортуна).*

Домовùна = *гробъ.*

Дòня = *дочь.*

Дòси = *доселѣ, до сихъ поръ.*

Дỳже = *сильно.*

Дя̀дько = *дядюшка.*

Дя̀ка = *благодарность.*

Ж.

Жàлûбно = *жалобно.*

Жàль = *грусть, тоска, сожалѣніе.*

Жàхъ = *потрясеніе ужаса.*

Жнивà = *время жатвы.*

З.

Завзя̀тьтя = *удальство.*

Загарбать = *захватить.*

Загинуть = *пропасть.*

Заграть=*заиграть.*

Загнущаться = *пренебречь.*

Заздалегiдь = *заранње.*

Заклякнуть = *окольть.*

Замерти, замiрать = *обмирать.*

Замѣсь =*вмњсто.*

Запiзниться=*запоздать.*

Заплющать очи =*закрывать глаза.*

Заразъ =*тотчасъ.*

Засѣкъ = *закромъ.*

Захiдъ=*западъ, захожденiе солнца; приготовленiе къ чему-нибудь.*

Зачинить = *затворить.*

Зачепить = *затрогать, зацепить.*

Згнущаться = *издњваться,*

Зiрка =*звњзда*;зiрка зъ мiтлою=*комета.*

Зказиться = *взбњситься.*

Зневажать=*пренебрегать, неуважать.*

Зодягать=*зодњвать.*

Зозуля=*кукушка.*

Зхотѣть=*захотњть.*

Зиркъ=*глядь.*

Зъ = *изъ.*

К.

Казать=*говорить.*

Катма, катъ-мае = *нњтъ, не имњется.*

Катъ =*палачъ.*

Клепа̀ло=*кусокъ дерева, которымъ косы острятъ.*

Коли̇̀сь = *когда-то, во время оно.*

Коха̀ть = *любить, лелѣять.*

Коха̀ньня=*любовь.*

Кра̀счій = *лучшій, красивѣйшій;* найкрасчій = *прекраснѣйшій.*

Кра̀пля=*капля.*

Крини̇̀ця=*ключь воды.*

Край=*вскрай, подлѣ.*

Куме̇̀дный = *странный, отчасти смѣшной и отчасти непонятный.*

Куня̀ть = *дремать, окуней ловить.*

Л.

Ла̀ять=*бранить.*

Ланцю̀гъ=*цѣпь.*

Ла̀ска = *милость, пріязнь.*

Либонь = *какъ-будто, кажется.*

Лихта̀рня=*фонарь.*

Лишъ, лишень=*ка;* иди-лишень = *иди-ка.*

Лугъ=*лѣсъ на низменномъ мѣстѣ.*

Лука̀ = *трава на низменномъ мѣстѣ.*

Луна̀=*эхо, отголосокъ.*

Лю̀лька = *трубка;* напхать тютюну въ люльку = *набить трубку.*

Лѣсчи̇̀на=*орѣшникъ.*

Лѣчи́ть=*считать.*

Ляга́ть=*ложиться.*

Ляка́ть=*пугать.*

Ляща́ть = *кричать громко и пронзительно.*

М.

Ма́бу́ть=*вѣрно, должно-быть.*

Макогі̂нъ=*пестъ.*

Ману́ напусти́ть = *отуманить, околдовать, пустить пыль въ глаза.*

Ма̀ти=*мать.*

Ма̀ти=*имѣть.*

Ма̀ять = *вѣять (въ смыслѣ: знамена вѣютъ).*

Мерщѣ̂й = *скорѣй, проворнѣй.*

Миркува́ть = *разсуждать, толковаться о чемъ-нибудь.*

Мли̇́нъ=*мельница.*

Мо̀ва = *языкъ, разговоръ.*

Мо̀вить=*говорить.*

Мовля́ть=*говорить (говор. при ссылкахъ, цитатахъ на чью-нибудь рѣчь).*

Мовъ=*будто, словно.*

Молоди́къ = *молодой, новорожденный мѣсяцъ.*

Мото̀рный=*проворный, расторопный.*

Мрѣ̂ть=*виднѣться.*

Мі̂цно=*крѣпко.*

Мѣ̂сце=*мѣсто.*

Мѣ̂сто=*городъ, рынокъ.*

Н.

Навѣсный=*безтолковый, неумѣстный, взбалмошный.*

Наставля́ть = *опредѣлять.*

Нагада́ть = *напомнить.*

Недѣ́ля = *воскресенье.*

Нема = *нѣтъ, не имѣется.*

Нѐнька = *родимая, матушка.*

Нѐчисть=*нечистое, злое.*

Не чу́ть, не чува̀ть= *не слышно.*

Нй̂бы=*словно.*

Нй̂коли=*недосугъ, времени нѣтъ,*

Нй̂ко̀ли=*никогда.*

Ну́дно=*тошно.*

Нѣ̆мецъ—кромѣ *нѣмца,* значитъ еще—*чужеземецъ.*

Нй̂кчѐмный = *негодный.*

Нявча̀ть=*мяукать.*

О.

Оби́два = *оба;* **оби́двѣ**=*обѣ.*

Оддзя̀пить = *отворить, растворить настежъ.*

Одже = *вотъ-же.*

Одцура̀ться = *отречься.*

Оги́днуть = *надоѣсть, опротивѣть.*

О'комъ зки́нуть = *обозрѣть.*

Онъ=*вонъ*! **онъ-то**= *вонъ-тамъ.*

Опени́ться = *очу-титься.*

О'сьдечка = *здѣсь! вотъ здѣсь!*

Отъ = *вотъ;* **от-то̀**=*вотъ-то.*

Отруи́, отру́та=*от-рава.*

П.

Пала̀ть = *сильно и съ пламенемъ го-рѣть, пылать.*

Пали́ть=*жечь.*

Панотѐць=*почетное титло отца, хо-зяина и священ-ника.*

Паня̀нка=*благород-ная дѣвица, ба-рышня.*

Па̀ша, по̀пасъ = *кормъ, паства.*

Пеня̀ = *напасть, наказаніе.*

Пилнува̀ть = *пос-пѣшать, прилѣ-жать.*

По всѣхъ усю̀дахъ=*вездѣ.*

Покоти́поле = *пере-катиполе.*

Покоха̀ться = *потѣ-шиться.*

Пола̀годить = *почи-нить, попра-вить.*

Поли́ця=*полка.*

По̀ломья=*пламя.*

Помыля́ться = *оши-баться.*

По̀мста=*месть.*

Поми̂стъ = *полъ въ комнатахъ.*

Порощать = *шу-мѣть (какъ мѣл-кій дождь).*

Привѣта́ть = *привѣтствовать.*

Притива́ть = *прибивать, прижимать, прикрѣплять.*

Простягти́сь = *протянуться.*

Пры́скать = *брызгать съ особенною силою.*

Пу́ща = *дебрь, дремучій лѣсъ.*

Путьтя́ = *прокъ.*

Пха́ть = *толкать.*

Пыта́ть = *спрашивать.*

Пѣ̂вень = *пѣтухъ;* пе́ршӣ пѣвнӣ = *полночь.*

Р.

Ра́диться = *совѣтоваться.*

Ратува́ть = *избавлять отъ бѣды, спасать.*

Роби́ть = *дѣлать.*

Ро̀жа = *роза.*

Ручни́ця = *ружье.*

Руйнува́ть = *разорять, разрушать, превращать въ развалины* (Ruinen).

Рыба́лка = *рыболовъ-птица.*

Рӣдокоха̀нокъ, рӣдокоха̀нецъ = *родины и родныхъ любитель.*

Рӣкъ = *годъ.*

Рясны́й = *вѣтвистый, многоплодный и многолистный.*

С.

Самопáлъ = *огнестрѣльное оружіе.*

Самотный̀й = *одинокій, уединенный.*

Свйта — *родъ верхней суконной одежды.*

Свѣтàньня = *разсвѣтъ.*

Свѣ̀чка = *свѣча;* Божая свѣчка = *свѣча горящая передъ иконою.*

Си̇вый = *сѣдой.*

Сказйться = *обезумѣть, взбѣситься, разшалиться.*

Скѐля, шкѐля = *скала.*

Скло = *стекло.*

Слёта = *ненастье.*

Смýта = *печаль, грусть, смятеніе.*

Соро̀миться = *стыдиться.*

Спйсъ = *копье.*

Спо̀ткать = *встрѣтить.*

Спочивàть = *отдыхать.*

Спѣвàнка = *пѣсенка.*

Спѣвѐць = *пѣвецъ.*

Ставо̀къ = *прудъ.*

Стàрець = *нищій.*

Старосвѣ̀тській = *древній, старинный.*

Стѐжка = *тропинка.*

Сýмно = *страшно и грустно.*

Сй̆лькось = *да ничего! нѣтъ нужды!*

Сапать=*дергать.*
Сяять=*сіять.*

Т.

Теленькать = *звонить скоро и въ небольшіе колокола.*
Тепло=*теплота.*
Тинаться=*шататься, сноваться.*
Тѣкать = *уходить, убѣгать.*
Товаръ = *скотъ* (въ смыслѣ собирательномъ).
Торба=*сума.*
Трощить = *сокрушать, ломать на мѣлкія части.*
Трохи=*немного.*
Труна=*гробъ.*
Тріска=*осколокъ.*
Тріскотня=*частый трескъ.*
Тулиться=*жаться.*
Тупотѣть = *часто топать.*
Турбуваться = *хлопотать, заботиться, хлопотливо толковать о дѣлѣ.*
Тютюнъ=*табакъ.*

У.

Уродливый=*красивый, пригожій.*
Утять = *смайстерить;* винъ сёго не втне=*онъ этого не сможетъ, не въ силахъ сдѣлать этого.*

Х.

Хапать=*хватать.*

Хай, **нехай**=*пусть*, *пускай*.

Хвиля=*волна*.

Хилиться = *клониться*.

Хитаться = *колебаться*, *шататься*.

Хмара=*туча*;

Хмарка=*облачко*.

Ховать=*хоронить*.

Холодокъ = *тѣнь* (говор. въ смыслѣ: *тѣнь отъ зною*).

Хтось=*кто-то*.

Хрупотѣть = *хрустѣть*.

Худоба=*имущество*.

Хуртовина = *вьюга*; *говор. и объ бурѣ на-морѣ*.

Ц.

Цураться = *забывать*, *покидать*, *отрекаться*.

Цуръ-ёму, **пекъ-ёму**= *оставь его*, *ч . . . съ нимъ!* Цуръ *тоже что по Великорусски чуръ*, *и произошло отъ торъ*, *чортъ* (*тиоръ*); пекъ — *сокращенiе слова* пекло=*адъ*.

Ч.

Чарка=*рюмка*.

Чвалать=*брести*.

Чвара=*буря*, *смятенiе*.

Ченцi = *чернецы*.

Червоный=*красный*.

Червонорусецъ=*житель Червоной Руси* (*Галицiи*).

Чи=*ли, али.*

Чимàло = *довольно, достаточно.*

Чимчикувàть = *спѣшить, идти скорою походкою.*

Чого=*зачѣмъ.*

Чогось = *отъ-чего-то, чего-то.*

Чужи̓на=*чужбина.*

Чу̓ть, чувàть = *слышать, слыхать.*

Чутьтя̀=*молва;* нема й чутьтя=*нѣтъ и слуху.*

Ш.

Шарàхъ — *выражаетъ шумное паденіе.*

Швѝдко, шпàрко! = *скорѣй, скорѣй!* швидко=*скоро.*

Ши̓бениця = *висѣлица.*

Шкваркотня̀=*шумъ воды или масла на раскаленномъ камнѣ.*

Шля̀хъ = *путь, дорога.*

Шубо̀всь — *выражаетъ паденіе въ воду.*

Шукàть = *искать.*

Шчодня̀ = *ежедневно, каждый день.*

Я.

Які̓й=*какой, который.*

ИМЕНА ОСОБЪ

изъявившихъ желаніе на полученіе книги.

	Экземп.
Его Сіятельство Графъ Александръ Григорьевичъ Строгоновъ	1.
Его Сіятельство Князь Николай Андреевичъ Цертелевъ	1.
Его Сіятельство Князь Иванъ Александровичъ Шаховскій	1.
Его Сіятельство Князь Александръ Александровичъ Шаховскій	1.
Его Превосходительство Василій Александровичъ Шереметевъ	1.
Его Превосходительство Максимъ Максимовичъ Ковалевскій	1.
Его Превосходительство Иванъ Васильевичъ Капнистъ	1.
Его Высокобл. Профессоръ Петръ Петровичъ Артемовскій-Гулакъ	1.
Его Высокобл. Профессоръ Ѳедоръ Карловичъ Альбрехтъ	1.

Экземп.

Его Высокобл. Профессоръ Альфонсъ Осиповичъ Валицкій. . . . . 1.

Его Высокобл. Профессоръ Иванъ Осиповичъ Калениченко. . . . . . . 1.

Его Высокобл. Инспекторъ Харьковскаго Учебнаго Округа Өедоръ Леонтьевичь Тюринъ. . . . . 1.

Его Высокобл. Директоръ Харьковской Гимназіи Осипъ Викентьевичь Корженевскій. . . . . 1.

Его Высокобл. Чиновникъ при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ Вадимъ Васильевичъ Пассекъ. . . . . . 1.

Его Высокобл. Чиновникъ при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія Иванъ Васильевичъ Росковшенко. . 1.

Его Высокобл. Библіотекарь Василій Сергѣевичъ Комлишинскій. . . . . . 1.

Его Высокобл. Семенъ Ивановичъ Мерескуловъ. . . . . 1.

Его Высокобл. Өедоръ Степановичъ Бакановскій. . . . . 1.

Экземп.

Надворный Совѣтникъ Осипъ Антоновичъ Волохинъ . . . . 1.

Грыцько Основъяненко. . . . . 1.

Адъюнктъ-Профессоръ Измаилъ Ивановичъ Срезневскій. . . . . 1.

Исправляющій должность Адъюнктъ-Профессора Михайло Петровичъ Клобуцкій. . . . . 1.

Исправляющій должность Адъюктъ-Профессора Иванъ Алексѣевичъ Славицкій . . . . 1.

Лекторъ Нѣмецкаго языка Августъ Давидовичъ Метелеркампъ. . . . . . 1.

Кандидатъ Харьковскаго Университета Николай Ивановичъ Костомаровъ. . 2.

Кандидатъ Харьковскаго Университета Александръ Яковлевичъ Кульчицкій. 1.

Кандидатъ Харьковскаго Университета Александръ Петровичъ Рославскій. 2.

Кандидатъ Харьковскаго Университета Поликарпъ Васильевичъ Тихоновичъ. 1.

Ея Благ. Анна Николаевна Безпальчева. . . . . 1.

Экземп.

Ея Благ. Екатерина Васильевна Корсакова. . . . . 1.

Его Благ Петръ Өедоровичъ Андріевскій. 1.

Его Благ. Андрей Марковичъ Булахъ. 1.

Его Благ. Николай Степановичъ Варзинъ. 1.

Его Благ. Өедоръ Андреевичъ Владиміровъ. . . . . 1.

Его Благ. Степанъ Лукичъ Гаевскій. 1.

Его Благ. Иванъ Львовичъ Дзюбинъ. 2.

Его Благ. Кириллъ Семеновичъ Задорожній. . . . . 1.

Его Благ. Александръ Өедоровичъ Залѣскій. . . . . 1.

Его Благ. Отставной Аудиторъ Өедоръ Зеленскій. . . . . 1.

Его Благ. Семенъ Ивановичъ Кованко. 1.

Его Благ. Петръ Ивановичъ Лукинъ. 1.

Его Благ. Михайло Петровичъ Максимовичъ. . . . . 1.

Его Благ. Владиміръ Николаевичъ Ровневъ. . . . . 1.

Экземп.

Его Превосходительство Генералъ-Маіоръ Д. Селецкій . . . . 1.

Его Высокобл. Александръ Адольфовичъ де-Роберти . . . . 1.

Его Высокобл. Аркадій Николаевичъ Алферовъ . . . . 1.

Его Благ. Василій Васильевичъ Бутенко . . . . 1.

Его Благ. Андрей Лукичъ Гаевскій 1.

Его Благ. Константинъ Николаевичъ Ровневъ . . . . 1.

Его Благ. Григорій Ивановичъ Рыльскій . . . . 1.

Его Благ. Учитель Курской Гимназіи Сорокинъ . . . . 1.

Студентъ Николай Артюховъ . . . . . . 1.

Студентъ Барвинскій . . . . 1.

Студентъ Дмитрій Гвоздиковъ . . . . . 1.

Студентъ Ѳедоръ Іовлевъ. . . . . 1.

Студентъ Леонидъ Кагане . . . . 1.

Студентъ Петръ Килискій . . . . 1.

Студентъ Павелъ Кузинъ . . . . 1.

Студентъ Василій Марченко . . . . . 2.

Студентъ Василій Опостолапуло . . . 1.

	Экземп.
Студентъ Степанъ Третьякъ.	1.
Почетный Гражданинъ Михайло Петровичъ Котляровъ	1.
Аптекарь Андрюшкевичъ.	1.
— — Карлъ Дорандтъ	1.
Демьянъ Яковлевичъ Бубликъ	1.
Василій Васильевичъ Бураковъ	1.
Иванъ Өедоровичъ Базилевскій . . .	1.
Александръ Өедоровичъ Загурскій. . .	1.
Петръ Ивановичъ Опаринъ.	5.
Дмитрій Ивановичъ Полевой	2.
Иванъ Семеновичъ Рамашевъ.	1.
Петръ Андреевичъ Собкинъ	1.

Барщукаго

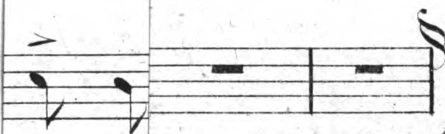

не приг зъ неба не зна-

при-гре
al Segn
pp.

Österreichische Nationalbibliothek
+Z176898802

